

Бестселлер New York Times #1

**МИРОВАЯ
КИНОПРЕМЬЕРА**

ВИНС ФЛИНН НАЕМНИК

Флинн – король концептуальной политической интриги.

Дэн Браун

Annotation

Митч Рэпп ничем не выделялся из массы американских студентов – кроме того, что был довольно многообещающим спортсменом. Но именно на него обратили самое пристальное внимание люди из ЦРУ. Они разглядели в нем качества, благодаря которым парень мог стать одним из лучших специалистов по физическому устранению самых зловещих и опасных террористов мира. Кроме того, эксперты «конторы» знали, что Рэпп не сможет им отказать, поскольку мечтает отомстить за смерть своей девушки, погибшей во время теракта. В результате Митч оказался в секретной школе, где готовят «убийц на службе у государства», ожидая свое первое задание...

Винс Флинн

Наемник

История Винса Флинна поистине удивительна. С детства он мечтал служить в армии и в 1991 г. был принят в офицерскую школу ВВС США (морская авиация). Но буквально через неделю его отчислили с диагнозом дислексия, т. е. нарушение способности к овладению навыком чтения и письма. Борясь с болезнью, Флинн стал много читать и писать. А затем решил сочинить собственную книгу, которую чуть позже издал на собственные средства. Результат был ошеломительным: роман немедленно попал в списки бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». Остальные 13 романов Винса повторили судьбу первого. С тех пор в одних только США продано более 20 млн экземпляров его книг, не считая миллионов копий, выпущенных в других странах на различных языках мира. Его поклонниками являются Билл Клинтон, Джордж Буш-мл. и Барак Обама.

Винс Флинн умер в 2013 г. от рака.

Митч Рэпп – это Рэмбо, великолепно подготовленный для борьбы с терроризмом.
The Washington Times

Этот триллер несется вперед со скоростью ракеты «Стингер».
People

Винс Флинн – это голос сегодняшнего постмодернистского триллера.
Providence Journal

Флинн – король концептуальной политической интриги.
Дэн Браун

Эту книгу должен прочитать каждый американец.
Билл О'Райли

Взрывное, бескомпромиссное повествование; здесь пленных не берут.
The Times

Поклонникам Тома Клэнси, без сомнения, это понравится...
Library Journal

Флинн не зря постоянно занимает первые места в списках бестселлеров.
New York Post

*Посвящается жертвам
террористической атаки
на самолет «Пан-Ам»
над Локерби и их семьям*

Моя благодарность

Писательство по необходимости является процессом, происходящим в одиночестве. К счастью, моя жена, красавица и мужественная женщина со скандинавскими корнями, родившаяся в Северной Миннесоте, это понимает. Лиса, ты просто потрясающий партнер. Каждый год ты стоически переносишь все трудности, и даже, когда физически я рядом, мысленно я нахожусь в других местах... пытаюсь справиться с поворотами и изгибами сюжетной линии. Мне никогда не хватит слов, чтобы выразить тебе свою признательность.

С другой стороны, издательское дело не имеет ни малейшего отношения к одиночеству. Это динамичная, возбуждающая индустрия, где на бесчисленных поворотах все может пойти не так или, наоборот, просто потрясающе. Мне чрезвычайно повезло, что меня окружают одни из самых лучших людей, работающих в данной области. От Слоуна Харриса и Кристин Кин из «Ай-си-эм» до Эмили Бестлер, Сары Брэнам, Кейт Цетруло, Джинни Ли, Эла Мэдокса, Дэвида Брауна и Джудит Карр из «Атрия»; а также Луиза Берк и Энтони Зикарди из «Покетбук», Майкл Селлек и Кэролайн Рейди из «Саймон и Шустер» и все, кто трудится в отделах продаж, – вы просто потрясающие. Двенадцать публикаций, большинство из которых появились в самые трудные для книгоиздательства времена, – и каждая лучше предыдущей.

Я благодарен Лоренцо Ди Буовентура и Нику Векслеру за то, что они продолжают катить камень вверх по склону – и, если честно, я не знаю, как вам это удастся. Моему другу Робу Ричеру, который помог мне почувствовать дух Бейрута начала девяностых. Эду Шоппману за помощь с программным обеспечением. Доктору Джоди Баккегард и всем, кто захотел остаться в тени, спасибо. И прошу прощения у тех, кого я нечаянно не упомянул в этом списке.

Бейрут, Ливан

Митч Рэпп смотрел на свое отражение в пыльном потрескавшемся зеркале и задавался вопросом, в своем ли он уме. Нет, его не била дрожь, и ладони не вспотели. Он не нервничал. Он производил холодную и расчетливую оценку своих возможностей и шансов на успех. Он снова мысленно повторил план, с начала и до конца, – и опять пришел к выводу, что его с высокой вероятностью будут сильно бить, пытаться и, скорее всего, убьют. Но даже такая перспектива не могла заставить его отступить, что возвращало к сомнениям относительно собственного психического здоровья. Разве нормальный человек сознательно выберет такой путь? Рэпп долго размышлял над этим вопросом и решил, что ответ на него должен дать кто-то другой.

В то время как все остальные предпочли бы бездействовать, это противоречило природе Рэппа. Двоих его коллег похитила на улицах Бейрута отвратительная маленькая организация, носившая имя «Исламский джихад». Они были одним из подразделений «Хезболлы», специализировавшейся на похищениях, пытках и подготовке террористов-смертников. «Джихадисты», вне всякого сомнения, уже начали допрос новых пленников. Несчастливым предстояло пережить неслыханную боль, и постепенно, слой за слоем, они расскажут все, что знают.

Такова жестокая правда, и если его коллеги в состоянии обманывать себя и думают иначе, значит, они сознательно или бессознательно стараются делать наиболее удобные выводы. После долгого дня наблюдения за людьми, которые говорили, что держат ситуацию под контролем, но ничего не предпринимали, Рэпп решил отыскать собственное решение. Бюрократы и дипломаты в Вашингтоне полагали, что следовало позволить событиям развиваться естественным путем, но Митч думал иначе. Он слишком через многое прошел, чтобы позволить раскрыть себя, не говоря уже о таких мелочах, как честь и кодекс воина. Он многое пережил с этими парнями. Одного уважал, восхищался и любил. Второго – уважал, восхищался и ненавидел. Рэпп испытывал острое желание что-то предпринять, чтобы их спасти.

Уроды, сидящие в Вашингтоне, готовы списать со счетов безликих оперативников, чтобы избежать войны, но парни, находившиеся в окопах, воспринимали это близко к сердцу. Воины не любят оставлять своих умирать в руках врага, потому что знают: однажды они сами могут оказаться в таком же положении, и не сомневаются, что страна сделает все, чтобы их спасти.

Рэпп смотрел на свое отражение в потрескавшемся зеркале; густые растрепанные черные волосы и борода, загорелая оливковая кожа – и глаза, такие темные, что они казались черными. Он мог находиться среди врагов, не вызывая даже малейших подозрений, но все изменится, если он не начнет действовать. Рэпп подумал о своей подготовке и обо всем, что ему пришлось принести в жертву. Операция будет поставлена под угрозу, из чего следовало, что его карьере полевого агента конец. Ему придется сидеть за письменным столом где-нибудь в Вашингтоне, где он будет медленно гнить в течение следующих двадцати пяти лет. И каждый день просыпаться и ложиться спать с одной и той же мыслью: ему следовало что-то предпринять – хоть что-нибудь. И до конца жизни он будет ставить под сомнение

собственное мужество. Рэпп содрогнулся от этой мысли. Возможно, он слегка спятил, но ему довелось прочитать достаточно греческих трагедий, чтобы понять: жизнь, наполненная подобными упреками в собственный адрес, неизбежно приведет в сумасшедший дом.

«Нет, – подумал он, – уж лучше я потерплю поражение, но не сдамся».

Рэпп кивнул своим мыслям, глубоко вздохнул и подошел к окну. Осторожно отодвинув рваную занавеску, выглянул на улицу. Двое рядовых бойцов из «Исламского джихада» все еще находились на противоположной стороне улицы и вели наблюдение. Митч намекнул, прогуливаясь по району, что намеревается сделать, и эта парочка появилась через час после того, как он вложил седьмую сотенную банкноту в нетерпеливую ладонь местного торговца.

Рэпп рассматривал вариант убить одного из этих типов, а второго допросить, но понимал, что новость распространится так быстро, что его коллег либо переведут в другое место, либо просто убьют, прежде чем он успеет начать действовать, пользуясь полученными сведениями. Митч покачал головой. Для него оставался лишь один путь, и больше не имело никакого смысла откладывать.

Он быстро написал записку, оставил ее на маленьком письменном столе, взял солнечные очки, карту и толстую пачку наличных и направился к двери. Лифт не работал, поэтому Митч спустился в вестибюль с четвертого этажа по лестнице. Новый портье выглядел ужасно напуганным, из чего Рэпп сделал вывод, что кто-то уже успел с ним поговорить. Он не останавливаясь прошел мимо него к двери, ведущей наружу, и оказался под ослепительными лучами солнца. Рэпп поднял карту, чтобы защититься от яркого света, и оглядел обе стороны улицы. Темные очки позволили ему сделать вид, что он не заметил пару из «Исламского джихада». Продолжая смотреть в карту, Митч повернул направо и зашагал на восток.

Он не прошел и половины квартала, когда его нервная система начала посылать в мозг сигналы тревоги, и каждый был еще более отчаянным, чем предыдущий. Ему пришлось напрячь все свои способности к самоконтролю, чтобы отвергнуть основные принципы подготовки и миллионы лет инстинктов выживания, впечатанных, подобно коду, в человеческий мозг. Впереди, на противоположной стороне улицы, был припаркован черный автомобиль. Рэпп проигнорировал сидевшего за рулем водителя и свернул на узкую боковую улочку. В тридцати шагах впереди, около входа в магазин, чего-то ждал грубоватого вида мужчина, куривший сигарету. Его левая нога твердо стояла на мостовой, правая была слегка согнута и упиралась в стену дома. Мощная спина также касалась стены. Что-то в его облике показалось Рэппу смутно знакомым, начиная от запыленных черных брюк и кончая белой рубашкой с потемневшими от пота подмышками.

В остальном улица была пустой. Люди, пережившие кровавую гражданскую войну, научились чувствовать возможные неприятности, а потому разумно решили остаться дома, пока не закончится утреннее шоу. Шаги за спиной Рэппа напомнили ему стук тяжелых башмаков по каменному полу пустого собора. Митч слышал, что его преследователи начали набирать темп. Взревел двигатель автомобиля; Рэпп не сомневался, что это черный «БМВ», замеченный им ранее. С каждой секундой Митч чувствовал, что расстояние между ними сокращается. Его мозг с возрастающей быстротой просчитывал возможные сценарии, пытаясь найти выход из надвигающейся катастрофы.

Они были уже совсем рядом, и Рэпп чувствовал их присутствие. Крупный тип, стоявший перед магазином, бросил сигарету на землю и оттолкнулся от стены с такой прытью, которой Митч от него не ожидал. Он постарался учесть это на будущее. Мужчина улыбнулся

и вытащил из кармана полицейскую дубинку. Рэпп уронил карту, делая вид, что удивлен и напуган, и повернулся, чтобы бежать. Двое преследователей находились именно там, где он и ожидал; оба успели достать пистолеты – один был направлен в грудь Рэппа, другой – в голову.

Седан резко затормозил справа от него, одновременно распахнулись пассажирская дверца и багажник. Рэпп знал, что будет дальше. Он закрыл глаза и стиснул челюсти, когда дубинка опустилась ему на затылок, пошатнулся и охотно упал вперед, на руки мужчин с пистолетами, поджав ноги, так что нападавшим пришлось принять на себя весь его вес. Рэпп почувствовал, как руки крупного мужчины обхватывают его с двух сторон и заставляют встать на ноги. Одновременно кто-то вытащил у него из-за ремня «Беретту» калибра 9 мм, и его поволокли к багажнику. Он упал туда с громким стуком, головой вперед. Затем они затолкали внутрь его ноги, и багажник захлопнулся.

Взвыл двигатель, задние колеса разбросали во все стороны песок и грязь, но вскоре добрались до асфальта. «БМВ» рванул вперед, и Рэппа толкнуло назад. Он приоткрыл глаза – как и ожидалось, полная темнота. Голова болела после удара, но не слишком сильно. На лице не было ни страха, ни сомнений. Лишь на губах появилась улыбка, когда он подумал о своем плане. Посеянные им вчера семена дезинформации проросли именно так, как он и рассчитывал. Пленившие его люди не имели ни малейшего понятия о намерениях схваченного ими человека, и, что еще важнее, не могли даже представить, какие ужасные увечья он намерен им нанести...

*Южная Вирджиния,
одним годом раньше*

Митч Рэпп снял с глаз повязку и вернул кресло в вертикальное положение. Коричневый седан «Форд Таурус», покачиваясь, катился по неровной гравийной дороге, оставляя в горячем августовском воздухе два завитка пыли. Повязка была предосторожностью на случай, если он потерпит неудачу, что никак не входило в намерения Рэппа. Он смотрел в окно на плотную стену сосен, растущих вдоль дороги. Даже яркое солнце не помогало заглянуть глубже, чем на тридцать футов, в лабиринт деревьев и кустарника. Когда он был ребенком, лес всегда казался ему привлекательным местом, но в этот день определенно вызывал у Рэппа зловещие ощущения.

Дурное предчувствие прервало течение мыслей Митча и направило их в то место, где ему совсем не хотелось оказаться. Во всяком случае, не сегодня. Тем не менее на лбу у него появились морщины, когда он вспомнил, сколько людей погибло в этом лесу. Но сейчас Рэпп не думал о тех, кто воевал во время Гражданской войны много лет назад. Нет, сказал он себе, стараясь быть полностью честным с самим собой. Смерть – это понятие, слишком неопределенное по срокам. Оно оставляет возможность несчастного случая, весьма удобный способ обойти стороной серьезность истории, в которую он впутался.

Слово *казнь*, пожалуй, подходило гораздо больше. Людей, о которых он сейчас думал, приводили в лес, убивали выстрелом в затылок и бросали в только что вырытые ямы, чтобы больше никто и никогда о них не услышал. Именно в этот мир Рэпп намеревался войти, и его совершенно не смущало принятое решение.

И все же некоторые сомнения пронизывали покровы его разума. Несколько мгновений Рэпп боролся с ними, но потом отправил в самые дальние закоулки своего мозга. Время колебаний прошло. Он успел все обдумать самым тщательным образом, изучал проблему с самых разных точек зрения с того самого дня, когда таинственная женщина вошла в его жизнь. Странное дело, он с самого начала знал, куда это его приведет, – как только она посмотрела на него своими пронизательными глазами.

Рэпп ждал, что кто-то должен появиться, хотя он никогда ей про это не рассказывал. Или дело было в том, что существовал только один способ пережить утрату любви всей жизни – планировать месть. И каждую ночь, перед тем, как заснуть, он думал о множестве лишенных лиц людей, которые спланировали уничтожение пассажиров рейса «РА103», и видел себя в том самом самолете – он направлялся в далекое место, не слишком отличавшееся от леса, что сейчас проносился мимо.

Для него все выглядело вполне логично. Врагов необходимо убивать, и Рэпп был с радостью готов стать тем, кто это сделает. Он знал, что должно произойти. Ему предстояло пройти специальную подготовку и превратиться в идеальное оружие – и тогда он сможет начать их выслеживать. Всех лишенных лиц людей, устроивших заговор, чтобы убить невинных мирных граждан в ту холодную декабрьскую ночь...

Машина начала притормаживать. Рэпп поднял голову, увидел ржавые ворота с тяжелой цепью и висячим замком, и на его смуглом лбу появились морщины. Митча охватили подозрения.

– Возможно, вы ожидали высоких технологий, – сказала сидевшая за рулем женщина, искоса посмотрев на него.

Рэпп кивнул в ответ.

Айрин Кеннеди припарковала машину со словами:

– Внешность бывает обманчивой.

Распахнув дверцу, она выбралась из машины, подошла к воротам и прислушалась. Через мгновение раздался щелчок открывающейся пассажирской двери, и Айрин улыбнулась. Митч Рэпп, совершенно не имевший подготовки, принял правильное решение. С их первой встречи Айрин поняла, что он не похож на других людей. Она тщательно изучила детали его предыдущей жизни и наблюдала за ним издали в течение нескольких месяцев. Айрин Кеннеди превосходно знала свое дело. Она была методичной, организованной и терпеливой. Кроме того, обладала фотографической памятью.

Кеннеди попала в команду в ранней молодости. Ее отец работал на Государственный департамент, и большую часть своего образования она получила за океаном, в странах, где далеко не всегда благоволили к американцам. Бдительность стала частью ее жизни с тех пор, как ей исполнилось пять лет. В то время как другие родители беспокоились, как бы их дети не оказались на проезжей части, где их могла сбить машина, отец и мать Айрин тревожились о том, сумеет ли она отыскать бомбу под днищем автомобиля. С самого детства ее учили постоянно контролировать все, что происходит вокруг.

Когда Кеннеди представилась Рэппу, он в течение долгой секунды смотрел на нее, а потом спросил, почему она за ним следила. В тот момент Митчу было всего двадцать два года, и он не проходил специальной подготовки. У Кеннеди имелась единственная слабость – неумение импровизировать. Она любила планировать заранее и все готовила так тщательно, что не могла поверить, что новичок способен заметить наблюдение. Айрин завербовала дюжины агентов, но Рэпп оказался первым, кто почувствовал слежку. Он умудрился застать Кеннеди врасплох, и она сумела ответить лишь после небольшой паузы. Именно новичок должен был пытаться понять, что происходит. Рэпп не мог ее опознать – такой вариант не рассматривался среди возможных сценариев.

Позднее, в номере мотеля в Сиракузах, она отследила все свои шаги за последние восемь месяцев, пытаясь понять, где совершила ошибку. Но даже через три часа, заполнив замечаниями семнадцать страниц в блокноте, так и не сумела ее обнаружить. С досадой и восхищением Айрин была вынуждена признать, что Рэпп обладает поразительным ситуационным вниманием. Она переместила его досье на первое место в стопке и приняла дерзкое решение – не стала использовать обычных людей, а обратилась в фирму, где работали вышедшие на покой шпионы. Они были старыми друзьями ее отца и прекрасно выполняли задания, не оставляя никаких бумажных следов. Кеннеди попросила их объективно оценить Рэппа – на случай, если она что-то упустила. Две недели спустя они представили доклад, от которого по спине у нее пробежал холодок.

Кеннеди тут же отправила доклад своему боссу, Томасу Стэнсфилду. Добравшись до середины, тот сообразил, что она хочет предложить. Закончив чтение, Стэнсфилд медленно закрыл папку толщиной в два дюйма с биографией молодого Митча Рэппа и попросил Кеннеди обосновать свои выводы. Она говорила сжато и по делу, но Стэнсфилд указал на потенциальные ловушки и очевидные опасности, связанные с пропуском базовой системы подготовки. Айрин мастерски парировала все его доводы. Правила игры изменились, он и сам много раз так говорил. Они не могут сидеть на месте и защищаться, а в нынешнем мире,

где все переплетается, им требуется оружие куда более точное, чем управляемые бомбы или крылатые ракеты. Стэнсфилд и сам долго был оперативником, поэтому понимал, что такой человек должен сохранять полнейшую автономность. И никакого официального досье.

Кеннеди подготовила еще восемь дополнительных причин, доказывавших, что этот молодой парень станет превосходным кандидатом. Ее логика выглядела вполне разумно, к тому же они оба понимали, что нужно с чего-то начинать. С точки зрения Стэнсфилда, им следовало запустить подобную программу на пять лет раньше, поэтому, тяжело вздохнув, босс решил рискнуть. Он предложил Кеннеди отказаться от обычной подготовки и отвезти Рэппа к единственному человеку, который достаточно безумен, чтобы попытаться превратить зеленого новичка в профессионала. Если Рэпп переживет шесть месяцев тренировок у Стэна Харли, то может оказаться тем самым оружием, в котором они так нуждались. Перед тем как Кеннеди ушла, Стэнсфилд приказал ей избавиться от любых документов, имеющих отношение к Рэппу: все досье и фотографии, связывающие их и нового рекрута, следовало уничтожить.

Кеннеди заехала внутрь через ворота и попросила Рэппа закрыть их и запереть. Он выполнил ее указания и вернулся обратно в машину. Еще через сотню ярдов Кеннеди сбросила скорость, чтобы обогнуть большую рытвину.

– Почему нет никакой охраны по периметру? – спросил Рэпп.

– Высокотехнологичные системы... очень часто... привлекают слишком много внимания. Кроме того, они довольно часто срабатывают без причины, так что необходим слишком большой штат персонала. Это место предназначено совсем для других целей.

– А как насчет собак? – спросил Рэпп.

Ей понравился ход его мыслей. Слово повинуясь его сигналу, неожиданно откуда-то сбоку примчались два пса – и тут же устремились к машине. Кеннеди остановилась и дождалась, когда они отбегут в сторону. А еще через мгновение, оскалив зубы, псы убежали в том направлении, откуда появились.

Айрин сняла ногу с тормоза и поехала дальше.

– Человек, который будет тебя готовить... – начала Кеннеди.

– Тот маленький псих, что попытается меня прикончить, – без улыбки сказал Рэпп.

– Я не говорила, что он попытается тебя убить... я лишь сказала, что он постарается заставить тебя в это поверить.

– Очень утешительно, – насмешливо сказал Митч. – Почему вы все время о нем вспоминаете?

– Я хочу, чтобы ты приготовился.

– Ну я готов, – после некоторых раздумий ответил Рэпп. – Готов настолько, насколько это вообще возможно.

Кеннеди покачала головой.

– Речь идет не о твоей физической форме. Нам известно, что тут у тебя всё в порядке – и это важно, – но я хочу, чтобы ты знал: на тебя будет оказано давление, о существовании которого ты даже не подозревал. Это игра. Она направлена на то, чтобы заставить тебя уйти. Твой главный плюс состоит в психологической дисциплине, а не в физической силе.

Рэпп не был с ней согласен, но не стал возражать. На его лице застыло нейтральное выражение. Чтобы стать лучшим, требовалось обладать обоими качествами в равной степени. Он знал правила игры. Ему доводилось проходить изнурительные футбольные тренировки, он играл в лакросс [\[1\]](#) во влажном жарком августовском воздухе Вирджинии, и

лишь желание продолжать игру помогало удерживаться в строю. Но теперь у него была более серьезная мотивация. Она стала личной.

– Постарайся помнить... здесь нет ничего личного, – сказала Кеннеди.

Рэпп внутренне улыбнулся. «Здесь вы ошибаетесь, – подумал он. – Все это личное». Однако Митч не собирался спорить.

– Я знаю, – спокойно ответил он. – А что относительно других парней?

Если что-то и могло вызвать у него некоторое смущение, так именно они. Остальные рекруты находились здесь уже два дня. Рэппу не нравилось, что они получили фору. Они уже наверняка начали спланиваться и обязательно примут в штыки новичка, который опоздал. Рэпп не понимал причин задержки, но Кеннеди не была склонна делиться с ним дополнительной информацией.

– Всего их шестеро.

Айрин мысленно пробежалась по фотографиям. Она читала досье. Все служили в армии и обладали – во всяком случае, на бумаге – многими качествами Рэппа. Все были смуглыми, атлетически сложенными, склонными к насилию или не испытывали перед ним страха, и все, в той или иной степени, прошли серьезные психологические тесты. У всех имелись способности к иностранным языкам. С точки зрения восприятия границы между добром и злом все зависли в районе шестерки на циферблате часов круговой диаграммы психического здоровья. Над той тонкой линией, что отделяет стражей порядка от профессиональных преступников.

Они еще раз свернули, и перед ними открылась новая картина. Зеленая лужайка со свежескошенной травой, размером с футбольное поле, простиралась по обе стороны от дороги, ведущей к белому амбару и двухэтажному дому с широким крыльцом. Рэпп ожидал чего-то совсем другого. Казалось, он смотрит на сельскую открытку с креслом-качалкой на большой белой веранде.

Из дома появился мужчина. В одной руке он держал чашку кофе, в другой – сигарету. Рэпп внимательно смотрел, как он вышел на крыльцо. Его голова небрежно поворачивалась из стороны в сторону. Большинство людей не обратили бы на это внимания, но Рэпп знал, что мир разделен между теми, кто является частью стада, и теми, кто предпочитает охотиться. Этот человек проверял свои фланги. Он остановился на верхней ступеньке и посмотрел на них сквозь темные очки-«авиаторы». Митч позволил себе слегка улыбнуться, представив, что этот человек попытается его сломать. Он уже давно ждал подобного вызова.

Рэпп посмотрел через заляпанное насекомыми ветровое стекло на мужика со стальными яйцами, о котором его предупреждали. Даже на значительном расстоянии он видел недовольное выражение у того на лице. У него были каштановые волосы средней длины, зачесанные направо, и густые усы в стиле Тома Селлека. Дополняли картину выцветшие оливковые шорты – ему следовало бы поменять их на размер побольше – и белая футболка с вырезом в виде буквы V. Когда машина остановилась, Рэпп отметил потускневшие черные полевые ботинки и белые носки без пятки, доходившие до колен. Загорелая дочерна кожа туго обтягивала мышцы и сухожилия – казалось, даже на щеках. «Интересно, какие у него глаза, спрятавшиеся за темными очками, – подумал Рэпп. – И какие планы... Впрочем, очень скоро это выяснится».

– Сколько ему лет? – спросил Рэпп.

– Я точно не знаю, – ответила Кеннеди, глуша двигатель. – Он выглядит моложе, чем ему есть на самом деле, но я не стала бы говорить о его возрасте. Он этого не любит. – Она отстегнула ремень безопасности. – Подожди в машине.

Кеннеди вышла из автомобиля и неспешно зашагала по подъездной дорожке, усыпанной гравием. Она была в черных брюках и белой блузке. Из-за жары – к тому же они находились более чем в сотне миль от штаба – Айрин оставила пиджак на заднем сиденье. На правом бедре имелась кобура с «Береттой» 9 мм – Кеннеди прихватила пистолет, чтобы избежать насмешек человека, к которому сейчас направлялась, а не из-за того, что собиралась им воспользоваться. Она посмотрела на стоявшего на крыльце мужчину и убрала выбившуюся прядь рыжих волос за ухо.

– Дядя Стэн, – сказала Айрин, остановившись у нижней ступеньки крыльца, – кажется, ты не слишком рад встрече со мной.

Стэн Харли посмотрел на Кеннеди и почувствовал укол совести. Эта маленькая красotka умела действовать на его чувства как никто другой. Он знал Айрин дольше, чем она – сама себя. Она выросла на его глазах, он привозил ей рождественские подарки из самых экзотических мест и провел больше праздников с семьей Кеннеди, чем без нее. А потом, чуть менее десяти лет назад, эти радости ушли из их жизни, когда к посольству США в Бейруте подъехал фургон, нагруженный двумя тысячами фунтов взрывчатки. Погибли шестьдесят три человека, в том числе и отец Кеннеди. Харли отсутствовал – он трахал проститутку и с трудом сумел избежать пули. В тот апрельский день ЦРУ потеряло восемь превосходных агентов в Бейруте и с тех пор пыталось наверстать упущенное.

Харли прекрасно понимал, что не в силах контролировать свой темперамент, поэтому он старался быстро проводить все встречи, когда его что-то раздражало, и разговаривал лишь с теми, кто ему нравился.

– Добрый день, Айрин, – только и сказал он.

Кеннеди уже несколько месяцев ждала и боялась этой встречи. Обычно Харли приветствовал ее крепкими объятиями, спрашивал о матери, но только не сегодня. Она его обошла, а Стэн Харли не любил, когда кто-то обращался к начальству через его голову по таким серьезным вопросам. Его холодность не вызывала сомнений, однако Кеннеди решила не отступать.

– Как ты себя чувствуешь?

Харли не ответил на вопрос – лишь кивнул в сторону автомобиля.

– Кто там?

– Новый рекрут. Томас сказал, что ты в курсе. – Кеннеди имела в виду их босса.

Глаза Харли защищали поляризованные линзы темных очков. Его голова медленно повернулась от машины к Кеннеди.

– Да, он рассказал мне, что ты задумала, – сказал он с очевидным неодобрением.

Айрин скрестила руки на груди, словно защищалась.

– Ты не одобряешь мое решение.

– Совершенно верно.

– Почему?

– У меня здесь не лагерь бойскаутов.

– А я никогда этого и не говорила, Стэн, – резко ответила она.

– Проклятье, тогда зачем ты отнимаешь мое время, присылая сюда засранца-молокососа из колледжа, который не понимает разницы между пистолетом и винтовкой?

Всегда отличавшаяся терпением Кеннеди позволила себе показать толику раздражения. Она прекрасно знала, что обладает немалым влиянием на Харли, и ее неодобрительный взгляд действовал на него сильнее, чем прямая атака.

Стэн посмотрел на нее и понял, что она им недовольна. Ему это совсем не понравилось. Такая же история была и с его дочерьми. Если один из его парней бросал на Харли косые взгляды, он отвечивал ему пинка, но девушки умудрялись пробивать его защиту, сеяли сомнения в душе. Однако он считал, что в данном случае прав, а потому не стал отступать.

– Давай не будем переходить на личности, Айрин. Подобными вещами я занимаюсь уже много лет и знаю, что делаю. Тебе не следовало пренебрегать моим мнением и привозить сюда непроверенного новичка.

Кеннеди стояла, подобно сфинксу, не собираясь сдаваться.

Харли затянулся сигаретой.

– Полагаю, тебе лучше избавить всех нас от никому не нужной головной боли, сесть обратно в машину и вернуть его туда, где ты его отыскала.

Кеннеди удивила сила раздражения, которое в ней поднялось. Она потратила на подготовку более года своей жизни. Весь ее анализ и инстинкты указывали на то, что Рэпп – именно тот человек, которой им нужен, однако Харли отмахнулся от ее выводов так, словно она была новичком и ничего не понимала в своем деле. Кеннеди медленно поднялась по ступенькам и остановилась в шаге от Харли.

Ветеран невольно отступил, когда рядом с ним оказался человек, к которому он не осмелился бы притронуться, даже если б тот нарушил границы его личного пространства^[2].

– У меня сегодня очень много работы, Айрин, поэтому чем быстрее ты сядешь в машину, тем будет лучше.

Кеннеди расправила плечи.

– Дядя Стэн, я когда-нибудь демонстрировала неуважение к тебе? – напряженным голосом спросила она.

– Сейчас речь совсем о другом...

– Нет, речь именно об этом. Неужели я совершила какой-то поступок, который позволяет тебе относиться ко мне без малейшего уважения? – И она слегка придвинулась к нему.

Харли нахмурился и начал переминаться с ноги на ногу.

– Ты знаешь, что я о тебе самого высокого мнения.

– Тогда почему ты ведешь себя по отношению ко мне так, будто я все еще подросток?

– Я не считаю тебя некомпетентной.

– Однако *считаешь*, что мне следует сосредоточиться на анализе и предоставить работу с новыми рекрутами тебе?

Он откашлялся.

– Да, с этим я готов согласиться.

Кеннеди положила руки на бедра и выставила вперед подбородок.

– Сделай мне одолжение и сними темные очки.

Просьба Кеннеди вывела его из равновесия.

– Зачем?

– Потому что мне известна твоя ахиллесова пята, и я хочу видеть твои распутные глаза, когда скажу то, что мне следовало сказать много лет назад.

Харли улыбнулся, пытаясь проигнорировать ее просьбу, но Кеннеди вновь попросила его снять очки, и он неохотно повиновался.

– Я отношусь к тебе с огромным уважением, – сказала Айрин, – более того, готова доверить свою жизнь, как никому другому во всем мире. Вне всякого сомнения, ты лучший специалист по подготовке оперативников... но есть одна проблема.

– И в чем она состоит?

– Ты близорук.

– Неужели?

– Да. Я не уверена, понимаешь ли ты, какой именно человек нам нужен.

Харли усмехнулся, словно находил подобную мысль нелепой.

– Так и есть, ты слишком упрям, чтобы это понять.

– Полагаю, ты считаешь, что группа специальных операций в один прекрасный день возникла сама по себе. А кто тренировал тех парней? Как ты думаешь, кто превратил их в эффективные, не знающие сомнений машины для убийства?

– Это сделал ты, и тебе хорошо известно, что я говорю о другом. Я имею в виду нашу третью цель.

Харли нахмурился. Она хорошо знала, куда нанести удар. «Быть может, ее направляет Стэнсфилд?» – подумал он.

– Ты думаешь, все так просто? Ты хочешь взять под контроль всю операцию?

Кеннеди покачала головой и удивленно улыбнулась.

– Знаешь, ты слишком обидчив для крутого парня. Ты говоришь, как паршивые чиновники из Лэнгли^[3], которые управляют своими отделами так, словно они диктаторы Третьего мира.

– И что тут плохого?

– Ничего, если мы говорим о первых двух целях. – Кеннеди подняла вверх один палец. – Подготовка оперативников, способных не останавливаться ни перед чем, и, – тут она подняла второй палец, – создание мобильной атакующей тактической группы. Но когда речь заходит о третьей цели... – Она покачала головой. – Мы все еще находимся на самом старте.

Харли ее слова совсем не понравились, но он не был ничего не понимающим идиотом. Он знал, какие задачи стоят перед ним, и прекрасно понимал, что до сих пор ему не удалось добиться прогресса для осуществления третьей программы. Тем не менее Стэн не собирался так легко сдавать позиции.

– Я могу любого научить убивать. Это легко. Ты наводишь оружие, нажимаешь на спусковой крючок, и если предположить, что ты способен целиться... бум, кусок свинца входит в тело жертвы, попадает в жизненно важный орган – и дело сделано. И если у тебя достаточно большие яйца, я научу тебя вонзать нож под мышку и протыкать сердца, словно воздушные шарик. Проклятье... я могу показать тебе тысячу способов прокомпостировать кому-нибудь билет на тот свет. Я в состоянии учить боевым техникам до тех пор, пока не посинею...

– Но?.. – спросила Кеннеди, подталкивая его в нужную сторону.

– Не так-то просто превратить человека в того, кто нам нужен. – Харли покачал головой и смолк.

Кеннеди вздохнула. Она ждала именно такой возможности.

– Я не утверждаю, что именно по этой причине тебе следует позволить нам делать свою работу, – сказала она, коснувшись его руки. – Я привезла тебе подарок, Стэн. Сейчас ты этого не понимаешь; ты уверен, что парень должен пройти через учебный лагерь для новобранцев, и только тогда он будет готов к началу твоего процесса селекции, – и при обычных обстоятельствах я бы с тобой согласилась. Но здесь дело обстоит иначе. Тебе лишь придется отказаться от некоторых способов контроля. В машине сидит именно тот, кого ты ищешь, Стэн. У него нет дурных привычек, от которых тебе пришлось бы отучать его месяцами. И он не знает, что такое жесткая военная дисциплина, из-за которой парни сразу привлекают внимание окружающих, как только оказываются в городе.

Харли посмотрел в сторону машины.

– Он показал выдающиеся результаты при прохождении всех наших тестов, – добавила Кеннеди. – Тебе остается лишь придать ему нужную форму.

Стэн мрачно посмотрел на необработанную заготовку, которую ему подбросила Айрин.

– Осталось лишь выяснить, – продолжала она, – способен ли ты забыть о гордости и признать, что маленькая девочка, которую ты держал на коленях, наконец выросла и способна лучше разглядеть новый талант, чем ты.

«Шах и мат, – подумал Харли. – И мне придется работать с этим дерьмом... Во всяком случае, в течение первых нескольких дней, пока я не придумаю, как заставить его отказаться от бессмысленной затеи».

– Ладно, – сказал он, делая вид, что сдается. – Но никаких особых статусов. Он работает наравне с остальными, или ему придется уйти.

– Я не рассчитываю на послабления, но, – сказала Кеннеди, наставив палец в лицо Харли, – буду весьма разочарована, если ты начнешь выделять его и сделаешь особым объектом своей любви и внимания.

Харли обдумал ее слова, а потом коротко кивнул.

– Ладно... я сделаю так, как ты хочешь, но верь мне: если я почувствую в нем малейший признак слабости...

– Я знаю... знаю, – сказала Айрин, лишая Харли возможности оставить последнее слово за собой. – Ты сделаешь так, чтобы он пожалел о встрече с тобой. – На данном этапе Кеннеди понимала, что ей больше не следует давить на Харли. Рэппу придется показать капризному старому ублюдку то, что она уже знала. – Отсюда я поеду на Ферму, чтобы решить кое-какие вопросы. К обеду вернусь. – Айрин повернула голову к машине и крикнула через плечо: – И ему следует выглядеть не хуже, чем остальные шестеро, – или тебе придется иметь дело с очень недовольной племянницей.

Рэпп, надев на плечо большую брезентовую сумку для лакросса, смотрел вслед уезжавшей Кеннеди. Сцена казалась ему немного сюрреалистичной. Он вдруг вспомнил, как его отвезли в летний лагерь, когда ему было девять лет, и как он провожал взглядом уезжавшую мать. Как и сегодня, Митч согласился поехать туда добровольно, но на этот раз на его глазах не было слез. Тогда он был еще мальчишкой и боялся неизвестности. Теперь – двадцатитрехлетним мужчиной, готовым свернуть горы.

Когда машина покатила по подъездной дорожке, Рэпп ощутил тяжесть принятого решения. Дверь закрылась. Он предпочел именно такой путь всем другим, и выбранный им вариант наверняка встречался не часто. Он труднее и намного опаснее, чем Рэпп мог себе представить, однако он был молод и не сомневался в собственной неуязвимости, считая, что сумеет обмануть смерть. Несомненно, его попытаются заставить сдаться, но Митч знал, что до этого не дойдет. Он не сдавался ни разу в жизни и никогда прежде ничего так отчаянно не хотел. Рэпп понимал, насколько сильно будут дергать за его цепь, и ему нужно будет выдержать все испытания. Но для него имело значение лишь одно: получить желаемый приз, ради которого он приготовился вытерпеть все, что угодно.

Рэпп, чувствуя на себе изучающий взгляд мужчины, уронил тяжелую сумку на землю и молча наблюдал, как тот приближается. Мужчина в темных очках и с усами перекрыл ему вид на длинную подъездную дорожку. Рэпп сразу уловил в его дыхании едкий запах кофе и сигарет. Ему захотелось сделать шаг назад, но он не собирался отступать, поэтому остался стоять на месте и начал дышать ртом.

– Внимательно посмотри на эту машину, – мрачно сказал Харли.

Рэпп склонил голову набок, наблюдая, как седан исчезает за поворотом.

– Она не вернется, – ядовито добавил Харли.

Рэпп согласно кивнул.

– Смотри прямо на меня, – приказал Харли.

Рэпп молча уставился в собственное отражение поляризованных линз.

– Я не знаю, какую чушь ты навесил ей на уши, не знаю, как тебе удалось обмануть ее и убедить, что ты способен пройти процесс отбора, но могу обещать тебе, что каждый день своего пребывания здесь ты будешь проклинать ее за то, что она появилась в твоей жизни. Однако тебе лучше делать это молча, потому что, если я услышу хоть одно дурное слово о ней, я познакомлю тебя с болью, о существовании которой ты даже не подозреваешь. Ты меня понял?

– Да.

– Да! – рявкнул Харли. – Неужели я похож на одного из твоих педиков-профессоров?

– Нет, – не дрогнув, ответил Рэпп.

– Нет, – проревел Харли так, что у него на шее вздулись жилы. – Ты будешь называть меня «сэр», когда обращаешься ко мне, или я забью тебе ботинок в задницу так глубоко, что ты будешь жевать кожу.

Сгусток слюны попал на лицо Рэппа, но тот его проигнорировал. Он предполагал, что нечто подобное может случиться. Митч уже успел оглядеться и убедиться, что больше никого нет рядом, поэтому лучшего шанса у него не будет.

– Сэр, позвольте спросить?

– Мне бы следовало догадаться, – со вздохом ответил Харли и упер руки в бока. – Ладно, Лига плюща. Я дам тебе один шанс, так что говори. Могу лишь молиться о том, что услышу: «Я ошибся и хочу вернуться домой». И я не стану возражать, – быстро добавил он. – Проклятье, сам тебя отвезу.

Рэпп улыбнулся и покачал головой.

– Деееерьмо! – Харли протянул это слово и с отвращением тряхнул головой. – Ты и в самом деле думаешь, что справишься?

– Да, сэр.

– Значит, ты действительно намерен потратить попусту мое время.

– Да, складывается такое впечатление, сэр. Хотя, если позволите... я хочу предложить немного все ускорить.

– Ускорить? – спросил Харли.

– Да, сэр. Полагаю, что после того, как вы окажетесь на ринге с кандидатом, вам потребуется менее двадцати секунд, чтобы понять, хватит ли у парня способностей выдержать процесс отбора.

Стэн кивнул.

– Так и есть.

– Я не хочу тратить ваше время, поэтому предлагаю сразу выяснить, есть ли у меня то, что необходимо.

В первый раз за все время Харли улыбнулся.

– Ты хочешь рискнуть?

– Да, сэр... чтобы все ускорить.

Стэн рассмеялся.

– Ага, ты думаешь, что сможешь со мной справиться.

– Насколько я понял... у меня нет ни одного шанса.

– Тогда почему ты так хочешь, чтобы тебе надрали задницу?

– Ну это рано или поздно произойдет. Я бы предпочел, чтобы поскорее.

– И почему?

– Чтобы мы смогли перейти к более важным вещам.

– Это в каком же смысле?

– Вы научите меня убивать террористов.

Такое случилось впервые. Харли сделал шаг назад и принялся разглядывать нового рекрута. Рост шесть футов и один дюйм, на вид в отличной форме, но чего еще ожидать, когда человеку двадцать три года? Густые, черные, как уголь, волосы и смуглая кожа. И правильный взгляд. Только теперь Харли почувствовал проблески того, о чем говорила Кеннеди. Он кивнул – ситуация скорее его забавляла, чем тревожила.

– Хорошо. Давай попробуем. Видишь амбар?

Рэпп кивнул.

– Там есть свободная раскладушка. До тех пор, пока ты сможешь продержаться, она принадлежит тебе. Забрось свое барахло в шкафчик и надень шорты и футболку. Если ты не будешь стоять на мате через две минуты, я отправлю тебя домой.

Рэпп, восприняв его слова как приказ, схватил сумку и рысцой побежал к амбару. Харли наблюдал, как он ныряет туда, отметил время на своих цифровых часах, вернулся к крыльцу и поставил чашку с кофе на блестящую белую ступеньку. Затем, не поворачивая головы, принялся мочиться в кусты.

Рэпп нашел раскладушку рядом с тремя двухъярусными кроватями. Стандартное военное снаряжение. Не слишком удобное, но намного лучше, чем пол. Раздевшись до нижнего белья, он открыл сумку и вытащил шорты и простую белую футболку. Кеннеди предупредила его, чтобы он взял с собой одежду, не имеющую торговых марок. Другие рекруты не должны были определить по его одежде, откуда он приехал. Все они получили жесткий приказ не обсуждать с остальными свое прошлое. Рэпп сложил одежду, убрал ее в солдатский сундучок, закрыл его, а сверху поставил сумку. Он хотел разобрать ее, но, услышав приближающиеся шаги инструктора, встал в центре сильно потертого мата, с нетерпением ожидая предстоящего испытания.

Харли остановился у входа в амбар, сильно затянулся сигаретой и начал легкую разминку, чтобы расслабить мышцы. Он не рассчитывал на серьезную схватку, поэтому размял икроножные мышцы, в последний раз затянулся, потушил сигарету о подметку и вошел в амбар. Новый рекрут стоял в центре мата в шортах и футболке. Харли бросил на него оценивающий взгляд. Новичок был в хорошей форме, как и все остальные, но что-то в его спокойной, уверенной стойке смутило Стэна.

– Плечи назад! Смотреть на меня! – Он потрянул головой и пробормотал что-то невнятное себе под нос. – У меня нет времени с тобой церемониться. – Он наклонился, разулся и аккуратно поставил ботинки под углом в девяносто градусов к краю мата, положив сверху носки. Затем снял темные очки, пристроил их поверх носков и спросил, встав на мат:

– Правила?

Рэпп даже не пошевелился.

– Правила устанавливаете вы, сэр.

Харли наклонился назад, продолжая разминать мышцы.

– Поскольку у нас не будет судьи, который смог бы оценить надирание твоей задницы, я предлагаю вести себя цивилизованно. Не будем наносить удары в глаза, горло и по яйцам.

– Удушающие захваты?

– Сколько угодно, – усмехнулся Харли. – Чтобы закончить схватку, достаточно постучать по мату.

Рэпп покачал головой.

– Тогда договорились.

Тут только он обратил внимание на то, что ему сильно не понравилось. Он не заметил ни малейших признаков напряжения на лице парня. Тот выглядел расслабленным, точно придурок, который собирается сыграть партию в гольф. Объяснений этому было два, и оба не вызвали у Харли ни малейшего удовольствия. Во-первых, рекрут мог оказаться не таким маменькиным сынком, как он думал, – или же он настолько глуп, что сам не понимает свою непригодность для подобной работы. В любом случае ему, Харли, придется потратить более одного дня своего ценного времени, чтобы вышвырнуть его вон. Стэн тряс головой и что-то бормотал себе под нос, когда ему в голову пришла новая мысль – нельзя исключать, что у парня есть потенциал.

Возможная опасность заставила Харли сделать паузу. Он посмотрел на парня из колледжа и сообразил, что почти ничего не знает о стоящем на середине мата человеке. Полученное от Стэнсфилда досье оказалось таким коротким, что все данные легко

уместились на одну страницу. Если не считать описания физического состояния и результатов тестов, остальные сведения были сильно подредактированы. Не человек, а белый лист. Харли не имел представления о его физических возможностях и манере держаться. Он даже не знал, левша перед ним или правша. На лбу Харли появились новые морщины, когда он принялся обдумывать возможные сценарии.

Обычно в тех случаях, когда Стэн выходил на мат с рекрутом, он имел преимущество, поскольку перед этим читал подробное досье, к тому же наблюдал за ним в течение нескольких дней. А за это время можно очень многое узнать о человеке. Харли мысленно назвал себя глупцом – ему следовало подумать об этом раньше. Но сейчас он ничего не мог изменить. Его босые ноги уже стояли на мате. И если он отложит поединок, то проявит слабость.

Харли отбросил дурные предчувствия и напомнил себе, что он победил всех парней, с которыми ему довелось сойтись в схватке на этом мате. Стэн двинулся вперед небрежной походкой с кривой усмешкой на лице. Остановившись в десяти футах от противника, он сказал:

– Начинаем, как только ты будешь готов.

Рэпп кивнул, согнул ноги и сделал медленный шаг влево.

Харли начал скольжение вправо, выбирая момент для атаки. Он увидел свой шанс, когда противник имитировал агрессивное движение головой, что не могло не выдать его намерений. Именно в этот момент Харли решил быстро разобраться с новичком. Он не станет тратить время на защитные блоки и удержания. Нужно, чтобы парень испытал настоящую боль. Может быть, сломать ему пару ребер... В таком случае, даже если он окажется упрямым дураком, у него не будет шансов работать наравне с остальными.

Харли предугадал выпад, присел на корточки и собрался нанести удар в корпус новичка. Но в тот момент, когда он развернулся на опорной ноге, понял: что-то пошло не так. Парень оказался намного более быстрым, чем он предполагал. Маленький засранец сделал двойной финт и оказался на два фута правее того места, где его поджидал Харли. Рэппу удалось его обмануть. Стэн понимал, что он потерял позицию и открыт для атаки противника, но не испытывал ни малейшего беспокойства. Он прервал атаку и приготовился к новой на другом уровне. И уже начал движение для второго удара, когда понял: что-то пошло совсем не так. Он скорее почувствовал, чем увидел, как мощный левый хук приближается к его лицу. В последнюю долю секунды Харли опустил подбородок и согнул ноги. Сокрушительный удар обрушился ему в лицо – чуть выше правого глаза.

Удары кулаком – странная вещь, и один всегда отличается от другого. Существуют апперкоты, хуки, джебы, удары с разворота, боковые и в затылок – и это еще далеко не всё. Если ты провел достаточное количество тренировочных боев, то прочувствовал все на своей шкуре и научился распознавать каждый еще до того, как получил его. У тебя в голове тут же происходит быстрый анализ, после чего начинается мимолетный обмен между той частью мозга, что обрабатывает тысячи мгновенных сигналов, и той, которая следит, чтобы мозг продолжал функционировать.

Харли занимался этим многие годы и, как человек, чья профессия состояла в том, чтобы учить и оценивать способности, давно привык без промедления отвечать человеку, чью задницу он надирает. Но на сей раз с трудом устоял на ногах, а потому предпочел промолчать.

Удар получился таким четким, что Харли пришлось на долю секунды опуститься на

одно колено. Это движение спасло его от нокаута. Если б его голова оставалась открытой и удар пришелся в челюсть, он потерял бы равновесие, а вместе с ним и сознание. Комментатор в голове Харли сообщил ему сразу о двух вещах. Во-первых, он уже очень давно не пропускал таких сильных ударов, а во-вторых, необходимо немедленно перейти в контратаку, если он не хочет, чтобы ему надрали задницу.

Стэн перенес вес с дальней ноги на ближнюю и провел серию ударов. На самом деле сейчас он хотел только одного: чтобы его противник отступил. Первые два Рэпп блокировал, оставшиеся пять прошли мимо. Харли сообразил, что парень был боксером, из чего следовало, что его следует повалить на мат, и тогда он легко одержит над ним победу. Ударов он больше наносить не станет. Но прежде чем Харли успел перегруппироваться, он почувствовал, как Рэпп зацепил его правую лодыжку, на которую приходились девяносто процентов веса. Дальнейшее определялось законами физики. Подсечка получилась настолько чистой, что у Харли не было ни малейших шансов устоять, поэтому он упал. Коснулся мата задом, подобрал под себя ноги, перекатился назад и вскочил.

Тот факт, что парень только что провел превосходную подсечку, не ускользнул от внимания Харли. Боксеры ими не пользуются. Долю секунды Стэн смотрел на нового рекрута – возможно, тот солгал, когда сказал, что не проходил военной подготовки. Однако передышка оказалась совсем короткой.

Харли вновь пришлось обороняться – на него обрушилась великолепно рассчитанная комбинация. Да, нужно положить парня на мат, в противном случае проигрыш неизбежен. Харли начал стремительно отступать, словно пытался спасти свою жизнь. Парень продолжал атаку. Стэн упал, метнулся вперед, схватил парня за выставленную вперед ногу и нанес удар головой ему в пах, одновременно сильно потянув на себя. Парень попытался вырваться, но захват Харли получился надежным. Он уже собрался повалить своего противника, когда кулаки Рэппа обрушились ему между лопаток, причем с такой силой, что Харли едва не выпустил противника, но что-то подсказало ему, что в таком случае он проиграет, поэтому Стэн не разжал рук и сумел опрокинуть парня на мат.

Он оказался сверху, схватил Рэппа за запястье, нашел точку пережатия и начал перемещать тело для захвата руки рычагом. Затем перекатился и нанес удар «ножницами» в горло, что было не вполне честно, учитывая установленные им же правила, но в их бизнесе честность – дело десятое. Харли промахнулся, но теперь он, сжимая запястье своего противника уже двумя руками, приготовился прогнуться назад и провести болевой прием на локтевой сустав. Однако прежде чем Харли успел завершить движение, парень совершил то, что Стэн считал невозможным.

Рэпп каким-то образом сумел извернуться и оказался сверху Харли, который все еще удерживал его запястье. Однако теперь голова Стэна оказалась прочно зажатой между коленями Рэппа, который скрестил лодыжки и начал смыкать колени, словно тиски, раздавливающие кокосовый орех.

Харли изо всех сил вдавил большой палец в запястье противника, но тот и не думал ослаблять захват. Стэн почувствовал, что начинает терять сознание, и попытался вывернуться. Он разжал левую руку, выпустил кисть Рэппа и схватил его за густые черные волосы. Но вместо того чтобы отпустить Харли, Рэпп сжал колени сильнее. Перед глазами Стэна заплясали белые искры. Он не мог поверить, что с ним разобрался какой-то засранец из колледжа.

Однако он продолжал искать путь к спасению, и, когда темнота уже смыкалась над ним,

обнаружил ответ, находившийся всего в нескольких дюймах от его лица. Стэн смутно помнил, как они обсуждали правила, но сейчас это уже не имело значения. Не проиграть – вот что было важно. И, в отчаянной попытке избежать катастрофы, Харли отпустил запястье противника, быстро переместил освободившуюся руку, отыскал яйца Рэппа, схватил их и сдавил изо всех оставшихся сил.

Кеннеди вернулась в дом на озере сразу после шести часов вечера. Она устала и проголодалась, у нее не было настроения для нового противостояния с Харли, но Айрин понимала, что кое-какие вопросы придется прояснить. Одним из непредусмотренных и постоянно усложнявшихся аспектов ее работы являлась невозможность свободного общения с коллегами. Служба внешней разведки, находившаяся в Вашингтоне, всегда оставалась угрозой, но сейчас уже не беспокоила Кеннеди. Теперь ее тревожило собственное правительство и поколение молодых журналистов, которые мечтали о новом «Уотергейте», «Бумагах Пентагона» или «Ирангейте»^[4].

Совместными усилиями они уничтожили сотни карьер и нанесли колоссальный ущерб национальной безопасности. В Вашингтоне появился новый вид спорта: атаковать все агентства, которые пытаются защитить США. Как ни странно, Кеннеди испытывала двойственные чувства по данному поводу. Ее наставник Томас Стэнсфилд много раз повторял: «Великие шпионы не жалуются из-за правил, они находят способы их обойти».

Она поставила машину перед домом, поднялась по ступенькам на крыльцо и с тоской представила себе еще один раунд схватки с Харли. Затем распахнула дверь с проволочной сеткой и вошла. Комнаты слева и справа оказались пустыми, поэтому Айрин направилась на кухню по центральному коридору. Однако остановилась в том месте, где деревянный пол переходил в линолеум. За кухонным столом сидел покрытый синяками Стэн Харли. Он прижимал стакан со льдом и виски «Мейкерс марк» к распухшей губе, а мешочек со льдом – к распухшему правому глазу. Напротив него, опираясь о стойку, стоял Трой Шида, тридцатидвухлетний бывший «зеленый берет» и правая рука Харли. Шида не слишком успешно пытался скрыть улыбку, поглядывая на разбитое лицо босса.

– Ты считаешь, это смешно? – прорычал Харли.

– Вовсе нет, – заявил Шида с фальшивой искренностью.

– Ну ты и урод... Посмотрим, что будет, когда я поставлю тебя на ринг против него. Вряд ли тебе захочется веселиться после того, как он нанесет тебе пару ударов.

– Что случилось? – спросила Кеннеди, не понимая, о чем они говорят.

Харли не заметил, как она вошла: мешочек со льдом закрывал его правый глаз, и он ничего не слышал, потому что в ушах у него все еще звенело. Стэн повернул голову и отвел в сторону мешочек со льдом – и тут выяснилось, что его правый глаз практически полностью заплыл, а кожа вокруг налилась красным.

– Что случилось? – разгневанно ответил Харли. – Ты оставила троянского коня у моего дома сегодня утром.

Мысли Айрин сразу обратились к Рэппу.

– Ты хочешь сказать, что это сделал с тобой мой рекрут?

– Кончай играть со мной в свои поганые игры. Сегодня я не в настроении.

Харли со стуком поставил стакан на стол, схватил бутылку с виски и наполнил его до краев.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь, – совершенно честно сказала Кеннеди.

Харли сделал большой глоток.

– О моей заднице. Он твой рекрут. Ты передала мне какие-то обрывки из его проклятого досье, словно послание с требованием выкупа. Я ничего о нем не знал. Не прошло и минуты,

как этот парень предложил мне выяснить, на что он годится. – Харли замолчал, чтобы еще раз приложиться к виски, после чего заговорил фальцетом, чтобы имитировать голос Рэппа: – «Давайте ускорим дело и выясним, есть ли во мне необходимые качества».

– И мой рекрут сделал это с тобой? – спросила Кеннеди, все еще не до конца веря Харли.

Тот вновь стукнул стаканом по столу, расплескав коричневую жидкость.

– Да, будь я проклят! И только не надо делать вид, что ты удивлена. – Он обвиняюще наставил на нее палец. – Ты все спланировала. Ты меня подставила.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь. – Айрин покачала головой и добавила: – Ты хочешь сказать, что мой рекрут одержал победу в схватке с тобой?

– Ну практически. – Харли вновь взялся за стакан, продолжая что-то бормотать себе под нос.

– Твой парень одержал победу, – с улыбкой вмешался Шида, – но Стэн нарушил правила и сжал ему яйца, словно в тисках.

– И это дерьмо кажется тебе смешным? – рявкнул Стэн.

Шида улыбнулся и кивнул.

Харли посмотрел на него, словно собирался швырнуть в своего заместителя стакан с виски, но передумал и метнул мешочек со льдом. Шида легко поймал его правой рукой.

– Не будь ребенком. Ты здесь стольким надрал задницы, что пришло время самому почувствовать, каково это.

– Моя проблема, – резко парировал Харли, – состоит в том, что меня подставила молодая женщина. Кстати сказать, я помогал ее растить. – Он посмотрел здоровым глазом на Кеннеди. – Проклятье, никакой военной подготовки... Где ты нашла парня?

Кеннеди все еще не пришла в себя. Она сама видела, как Харли скручивал в бараний рог парней размером с полузащитников Национальной футбольной лиги. Ни в одном из изученных ею документов не говорилось, что Рэпп способен выстоять в поединке со Стэном Харли.

– Стэн, ты должен мне верить. Я даже представить себе не могла, что он способен тебя победить.

– Он и не победил! Но у него почти получилось.

– Верно, ты нарушил правила, – сказал Шида, получая извращенное наслаждение от мучений, которые испытывал Харли. – Так что технически он одержал победу.

Харли пришлось призвать на помощь все силы, чтобы не швырнуть стакан в злорадствующего Шиду. Он вновь повернулся к Айрин.

– Что ты задумала? Зачем поставила меня в такое мерзкое положение?

– Успокойся хотя бы на минутку, Стэн. Поверь мне, в документах не было даже намека на то, что он способен проделать такое. – Кеннеди указала на разбитое лицо Харли. – Я искренне надеялась, что наступит время, когда у него получится... но не так скоро.

– Тогда у тебя были не те документы. Невозможно научиться так драться в подвале собственного дома. Кто-то должен тебя научить.

– В течение прошлого года он занимался боевыми искусствами, – призналась Кеннеди.

– Было бы неплохо знать об этом заранее, – прорычал Харли.

– Стэн, ты сам устроил мне скандал и заявил, что не хочешь понапрасну тратить время на моего парня, потому что он не прошел подготовки в отряде специального назначения. Ты думаешь, что год занятий в спортивном зале равнозначен умениям, которые парни получают

в армии?

– Тут все зависит от инструктора.

– И ученика, – добавил Шида.

Кеннеди сложила руки на груди и погрузилась в размышления.

– Существует и другая возможность, – наконец, сказала она.

– О чем ты?

– Я знаю, что тебе не нравятся разговоры о твоём возрасте, но нельзя исключать, что ты теряешь хватку.

Шида так расхохотался, что его могучая грудь начала бурно вздыматься и опадать.

– Завтра, прямо с утра, я поставлю тебя против него на ринге. Вот тогда посмотрим, как тебе будет весело.

Шида перестал смеяться.

Кеннеди отодвинула стул и села напротив Харли.

– Пожалуйста, расскажи мне, что произошло.

– А ты не дергаешь за мою цепь?

Кеннеди покачала головой.

– И не пытаешься меня одурачить? Подставить?

– Нет. – Она покачала головой. – На самом деле я опасалась, что пострадает он. А не наоборот.

Даже сквозь пелену гнева и алкоголя Харли начал понимать, что Кеннеди говорит правду.

– Где ты нашла парня?

Кеннеди бросила на него выразительный взгляд, и он сразу все понял.

– Эй, ты, жопа с ручкой, – сказал Стэн, повернувшись к Шиде, – иди проверь, чем заняты клоуны, и если валяют дурака, пусть сделают по сотне отжиманий.

– Я понял, – ответил Шида и встал, сразу превратившись в исполнительного подчиненного.

Как только дверь за ним закрылась, Харли посмотрел на Кеннеди.

– Кто он?

Она не могла бесконечно держать его в неведении, но предпочла бы подождать еще несколько дней. Однако отбросила дурные предчувствия.

– Его зовут Митч Рэпп...

Рэпп лежал на своей койке, подложив под голову комковатую подушку и прижимая к паху упаковку замороженного горошка. Обед был в виде «шведского стола», еду расставили на складном столике в дальнем углу амбара. Митч не хотел есть, но заставил себя. Всего их тут было семь человек плюс два инструктора, и на всех приготовили огромную кастрюлю спагетти, тарелку, полную булочек, и здоровенное блюдо с салатом и отварной кукурузой в початках. Все выглядели усталыми, потными и оборванными, но ели с огромным аппетитом, запивая еду водой со льдом и холодным молоком. Последние пять лет Рэпп питался за столом для тренирующихся спортсменов, поэтому хорошо знал, как это работает. Тяжелые тренировки в жару не вызывали желания есть. Более того, они давали прямо противоположный эффект, но ты должен забрасывать в себя еду, не обращая внимания ни на что. Психология предельно проста. Они сжигали более пяти тысяч калорий в день, из чего следовало, что им требовалось поглощать тонны еды – в противном случае они начнут худеть. В настоящий момент Рэпп мог позволить себе потерять десять фунтов, но за этой границей начинались травмы и болезни.

Митч бросил экземпляр журнала «Тайм» на пол и переместил пакет с замороженным горошком. Когда он заканчивал есть, один из инструкторов отвел его в сторону и сказал, что ему следует лечь на спину и приложить к паху лед. И приказал сразу доложить, если в его моче появится кровь. Рэпп молча кивнул и взял пакет замороженного горошка. После поединка и обеда у него появилось несколько часов, чтобы осмыслить то, что с ним произошло, когда один из инструкторов провел с ним серию довольно сложных гимнастических упражнений и пробежку по лесу длиной в десять миль. Рэпп сделал вид, что ему приходится напрягаться, но на самом деле у него не возникло никаких проблем. В особенности с бегом. Если б потребовалось, он мог бы бежать целый день, но не хотел сразу показывать остальным свои возможности. К тому же, если у учителя есть выбор между учеником, который с самого начала демонстрирует максимальные результаты и знает все ответы, и тем, кто постепенно их улучшает, выбор всегда падает на второго.

Рэпп все еще пытался понять, какой урок ему следовало извлечь из схватки с мужчиной, чьего имени он до сих пор не знал. Ему не понравилось, что тот изменил собственные правила во время поединка, но с этим Митч ничего поделать не мог. Теперь ему следовало сосредоточиться на том, как этот поединок повлияет на дальнейшие события. Требовалось понять, насколько далеко можно зайти: если сами инструктора не соблюдают правила, то едва ли они могут рассчитывать, что он не станет их нарушать.

У Рэппа появилась возможность познакомиться с остальными только после пробежки. За амбаром имелись турники, где им предстояло сделать две серии по двадцать пять отжиманий. Кроме того злобного ублюдка, который всем заправлял, здесь работали еще трое инструкторов. В точности как его предупреждал вербовщик, ни один из них не пользовался настоящим именем и не обсуждал личную информацию. С первыми двумя инструкторами особых проблем не возникло. Низенького и худощавого звали сержант Смит, а высокого и худощавого – сержант Джонс. Бойцы начинали свои дни со Смитом, заканчивали с Джонсом.

Рэппу пришлось сделать две серии отжиманий по двадцать пять раз с тридцатисекундным отдыхом между ними, чтобы догнать остальных новобранцев. После сотни подтягиваний сержант Джонс совершенно озверел. Он выстроил всех семерых и

принялся расхаживать перед ними, поливая презрением.

– Один из вас, педиков, думает, что он не должен подтягиваться полностью, – начал сержант. – Он решил, что может не распрямлять руки, а потом не сгибать их до конца. Я не люблю, когда что-то делают наспех, так что вам, дамочки, придется начать все заново.

После этого Джонс принялся поносить их по-настоящему, поставив под сомнение мужество, честь, разум и происхождение. Рэпп обратил внимание на то, что сержант относится к ним как к группе, не выделяя какого-то отдельного нарушителя. Более того, Рэпп сомневался, что таковой существует. Он наблюдал за остальными парнями и не заметил, чтобы кто-то из них позволил себе расслабиться. Сержант просто усложнял задачи, рассчитывая, что кто-то из новобранцев не выдержит суровых игр и сдастся. Рэпп продолжал поглядывать по сторонам, но все шестеро держались очень неплохо.

– Еще четыре серии, начинаем сразу. Пошли! – рявкнул сержант. – И на сей раз сделайте всё по правилам, иначе вы, дамочки, вместо обеда отправитесь на длинную пробежку.

Всего имелось два турника, поэтому новобранцы выстроились один за другим в два ряда и начали подтягиваться. Рэпп ждал своей очереди, когда один из новобранцев сильно ткнул его в область почек. Рэпп оглянулся, чтобы оценить стоявшего за ним парня, который его ударил и принялся поносить, но так, чтобы никто другой не услышал. Парень был похож на профессионального игрока в регби из Европы: низкий лоб со сросшимися черными бровями, тянувшимися в буквальном смысле от одного виска до другого, угольно-черные широко расставленные глаза; но самое большое внимание привлекал крючковатый нос, сломанный по меньшей мере дважды, и ямочка в выдвинутом вперед подбородке. Рэпп подумал сразу о двух вещах. Во-первых, нет никакого смысла пытаться сбить его с ног ударом в голову: шея у парня была широкой, как бедро среднего мужчины. Во-вторых, он явно не подходил для тех целей, ради которых, как считал Рэпп, их сюда привезли. У парня было такое запоминающееся лицо, что едва ли его могли забыть. Он больше походил на уличного гангстера, чем на будущего оперативника.

– На этот раз сделай все правильно, мудака, – раздраженно сказал громила.

Рэпп был грязным и потным, ему было очень жарко – и он больше не собирался терпеть это дерьмо. Он подтягивался правильно. И если кого-то и можно было обвинить в лени, то именно громилу, стоявшего за ним. Митчу хотелось сразу задать тон в их отношениях и сбить парня с ног, но он решил, что времени у него еще достаточно. Он молча повернулся вперед и шагнул к турнику.

– Вот и молодец, – сказал громила, – будь умным мальчиком и помалкивай. И сделай все правильно, хотя бы сейчас.

Остаток дня прошел спокойно, потом им разрешили нырнуть в озеро, чтобы немного охладиться перед обедом. Рэпп старался держаться подальше от Виктора, но не выпускал его из поля зрения. Ему удалось узнать имя громилы. Точнее, то, которое он сообщил. Так как им запрещалось пользоваться собственными именами, каждому дали фальшивое. Рэпп стал Ирвингом, но его тут же сократили до Ирва. Остальных пятерых парней звали Фред, Рой, Гленн, Билл и Дик.

Все они показались Рэппу вполне приличными людьми, которые старались не привлекать к себе лишнего внимания, но держались настороже. Митч заметил, что они часто обмениваются понимающими взглядами и общаются между собой беззвучно. Всем запрещалось говорить о собственном прошлом, поэтому никто не упоминал о воинских частях, где им довелось служить. Таким образом, Рэпп оказался в любопытном положении.

Инструкторы почти наверняка знали, что он не прошел армию, но остальные рекруты не имели об этом ни малейшего представления.

Возникает странная ситуация, когда группа парней оказывается в замкнутом пространстве базы и им запрещено говорить о своем прошлом. Таким образом, почти полностью исключалась обычная болтовня, поэтому во время обеда все молчали. Рэпп улегся на койку, чтобы приложить лед к паху, и уставился на лопасти вентилятора на потолке, которые медленно вращались у него над головой. Он осмысливал схватку, вспоминал каждое движение и размышлял о том, мог ли провести ее иначе, когда рядом появился Виктор.

– Как тебя зовут? – спросил он очень тихо.

Рэпп посмотрел в сторону двери, где инструктор давал указания одному из парней.

– Ирв.

– Нет, придурок. – Он покачал головой. – Я имею в виду твое настоящее имя.

Рэпп решил, что ему не нравится Виктор. Вербовщик несколько раз предупредил, что он не должен говорить о своей личной жизни и нарушение данного правила приведет к моментальному исключению из программы. Всего десять минут назад, во время обеда, инструкторы снова напомнили об этом. Рэпп равнодушно посмотрел на Виктора.

– Разве ты не слышал, что нам сказали инструкторы?

Виктор криво усмехнулся:

– Чушь собачья. Это игра. Они просто над нами издеваются. – Он посмотрел через плечо, чтобы убедиться, что их никто не слышит. – Брось... откуда ты?

– Что тебе с этого обломится?

– Что?

– Что у тебя на уме?

– Я просто пытаюсь получше узнать других парней... вот и всё.

– Пойми меня правильно: тебя не касается, кто я и откуда.

– В самом деле? – Его лицо слегка покраснело, и он стиснул челюсти. – Я тебе кое-что скажу. Не твое дело, что меня касается, а что – нет.

Рэппа перестало устраивать происходящее. Он лежал на спине, и его положение было уязвимым, но ему не хотелось, чтобы Виктор решил, будто его легко запугать.

– Это не я тебе говорю, – спокойно сказал он. – Речь о них. – И Рэпп кивнул в сторону стоявшего у двери инструктора.

Между тем тот закончил разговор и вышел. В амбаре остались только семь новобранцев.

Виктор расхохотался.

– Ну вот, мамочка ушла. Теперь твоя задница в моем распоряжении.

Рэпп решил, что ему больше не стоит лежать. Он быстро спустил ноги с койки и встал.

– В чем твоя проблема, Виктор? – спокойно спросил он, повысив, однако, голос так, чтобы его слышали остальные.

– Ты – моя проблема.

– Да, я так и понял, – ответил Митч, стоявший по другую сторону койки. – Но тебе следовало выразиться более определенно. Может быть, я смогу все исправить.

– Очень сомневаюсь, – презрительно бросил Виктор. – Ты выглядишь слишком слабым. Как если б ты был здесь лишним.

– Ну... почему бы нам не узнать, прав ли ты. – Рэпп указал в сторону мата.

Виктор рассмеялся, словно предложение показалось ему абсурдным.

– У тебя нет ни единого шанса.

Митч кивнул, словно хотел сказать: «Может быть, да, может быть, нет», – и подошел к краю мата.

– Сожалею о твоей матери.

– Что ты сейчас сказал? – спросил Виктор.

– Я только что сказал, – прокричал Рэпп, – что сожалею о твоей матери.

– Тебе стоит следить за своим языком! – В глазах парня появилась ярость.

– Или что? – спокойно поинтересовался Митч.

Остальные пятеро парней оставили свои занятия и с интересом наблюдали за развитием событий.

– Ты собираешься меня ударить, Виктор? – продолжал провоцировать Рэпп, приготовившись решить проблему немедленно. – Что-то не так... твоя мать была шлюхой, когда ты рос? Она давала сосать грудь всем парням, кроме тебя?

– Ты много болтаешь, – прорычал Виктор, с трудом сдерживая ярость.

– Просто пытаюсь понять, что с тобой не так. Ты весь день громогласно разглагольствовал. Вел себя как настоящий засранец. Нас уже от тебя тошнит.

– Я надеру тебе задницу! – взревел Виктор, перепрыгивая с одной ноги на другую, как боксер.

Рэпп ничего не ответил. Он лишь переместился в центр мата и поманил Виктора к себе.

Тот принялся кружить возле Рэппа, выкрикивая ругательства. Он наносил удары по воздуху и подробно объяснял, что сделает с Митчем, когда в дверях неожиданно появился инструктор.

– Какого дьявола вы здесь делаете, дамочки?

Виктор смолк, но было уже поздно.

– Ну хватит, придурки. Если у вас осталось достаточно энергии для драки, то ее хватит и на пробежку. У вас шестьдесят секунд, чтобы приготовить свои тупые задницы. Надевайте все, что нужно для бега, и выходите!

Все вскочили на ноги и начали переодеваться; пятеро остальных парней не стали скрывать своего недовольствия. Рэпп ничего не отвечал, а Виктор, казалось, получал удовольствие от происходящего. Теперь он начал провоцировать остальных, предлагая им бросить ему вызов – как только они отрастят для этого яйца. Рэпп надел кроссовки и побежал к двери. Он первым встал в строй, и, пока ждал остальных, ему пришло в голову, что здесь что-то не так. Если программа настолько засекречена и элитарна, то что здесь делает такой болтун, как Виктор?

Лагерь Перри, Вирджиния

На следующий день Том Льюис принял звонок по защищенной линии, терпеливо выслушав мужчину, находившегося на противоположном конце, который сообщил о встрече в Вашингтоне, округ Колумбия. Любому человеку, способному преодолеть систему безопасности, в том числе и людям из Лэнгли, разговор показался бы самым обычным и не вызвал ни малейших подозрений. Однако в третьем предложении было использовано наречие, которое заставило Льюиса поднять правую бровь на четверть дюйма. Он поблагодарил мужчину и сказал, что они поговорят на завтрашней встрече.

Клинический психолог задумчиво положил трубку на рычаг и постучал ручкой по дешевому настольному покрытию. Все в кабинете было дешевым – стандартная офисная мебель, какую каждый год закупает оптом федеральное правительство. Письменный стол, книжные полки и шкаф из одинакового материала, покрытого тонкой однослойной фанерой, которая должна была походить на дерево, но поверить в это никак не удавалось. Стулья из черного пластика с сиденьями, обитыми грубым материалом, за девять месяцев выведившим из строя любые брюки. Льюиса поражало, какой вездусущей стала такая мебель в Вашингтоне, что, в свою очередь, привело его к выводу, что офисы производителя стандартной мебели почти наверняка располагались в родном округе председателя комиссии Палаты представителей по бюджетным ассигнованиям.

Льюис испытывал отвращение к такой бездарной работе, однако не пытался хоть как-то изменить свой офис. Его личный кабинет находился в округе, и каждый квадратный дюйм был обставлен с предельной тщательностью. Льюис столько брал за свою терапию, что мог позволить себе любые затраты – более того, клиенты ничего другого и не ждали. За короткий промежуток времени он сумел создать очень выгодную практику.

Список его пациентов практически совпадал со списком самых значительных фигур вашигтонской элиты. Лоббисты, адвокаты и генеральные директора составляли большинство. Он лечил лишь маленькую группу политиков, но среди его пациентов имелась дюжина женщин, чьими мужьями были могущественные сенаторы и конгрессмены. Они посещали его еженедельно и делились всеми своими проблемами. Если бы он был неразборчивым в средствах, то мог бы использовать эту информацию в своих целях, но Льюис никогда о таком даже не думал.

Тридцатишестилетний психолог любил и хорошо знал свою работу. Он прослушал курс экономики и математики в колледже Помона и имел ученую степень по клинической психологии Пенсильванского университета. Обучение в университете оплатило правительство, поэтому после окончания ему пришлось четыре года отслужить в армии. Именно армейская служба помогла Льюису добиться нынешнего положения. Тогда он сидел в дрянном кабинете без окон на военной базе, о существовании которой знали лишь немногие. Вскоре выяснилось, что у него есть талант по определению психической неполноценности, что сильно заинтересовало одного адмирала и пару полковников из Форт-Брэгга. Он провел три года, помогая Объединенному командованию специальных операций ужесточить процесс отбора и развить новую систему теории игр.

Льюис собрался с мыслями, чтобы оценить, какое влияние окажет этот звонок на его

сегодняшний вечер. В лагере имелись квартиры для несемейных служащих и самых разных консультантов, регулярно возвращавшихся в округ Колумбия. Когда появлялась новая группа, Льюис обычно оставался на одну или две ночи в неделю, чтобы иметь возможность наблюдать за тем, как они взаимодействуют. Он планировал провести там вечер вместе с рекрутом, который вызывал опасения, но телефонный звонок показал, что ситуация требует его срочного присутствия.

Льюис посмотрел на свои американские военные часы «Элджин А-11» времен Второй мировой войны. Три года назад их подарил ему умирающий отец. Льюис заменил потертый ремешок и привел часы в идеальный порядок. Они показывали четырнадцать минут восьмого. У него на столе не осталось ничего срочного; кроме того, выдался превосходный вечер для того, чтобы проехаться по свободной дороге и немного отвлечься. Психолог взял два досье и развернул свой стул так, чтобы оказаться лицом к открытому металлическому сейфу. Затем поставил папки на соответствующие места, закрыл сейф и повернул циферблат. Он не стал запираеть кабинет, потому что защиты требовало только содержимое сейфа.

Его мотоцикл был припаркован рядом с входом в здание. Льюис снял спортивный пиджак и галстук, аккуратно сложил их, спрятал в специальную сумку «BMW 1200» и вытащил кожаную куртку и пару чапов^[5]. Он никогда не ездил на мотоцикле без них, даже если температура воздуха переваливала за тридцать градусов, – в его сознании навсегда запечатлелись травмы, которые получил его друг, когда упал с мотоцикла одним жарким калифорнийским днем. Затем он надел серый шлем. Мотоцикл ожил, и Льюис сел в седло. Через шестьдесят секунд он прикоснулся к визиру шлема, приветствуя часового у ворот, и умчался прочь. А еще через минуту въехал на пандус автострады 64 и повернул на север. Вся поездка займет немногим больше часа, и Льюиса это вполне устраивало.

Никаких телефонных звонков, никто не стучит в дверь, чтобы вывалить на него свои проблемы. С каждым днем Льюису становилось все труднее находить время, чтобы очистить свой разум и сосредоточиться на предстоящей работе. На большом зеленом плакате было написано, сколько еще миль нужно проехать, чтобы добраться до Ричмонда, но он уже погрузился в размышления о новом рекруте. Именно по этой причине она ему позвонила. Льюис установил стабилизатор скорости на семьдесят миль в час, поудобнее устроился на сиденье, проверил зеркала – и задумался о том, сколько времени он потратил на этого кандидата. За два года, что Льюис работал над программой, он впервые столкнулся с человеком, который идеально подходил по всем параметрам. Психолог свернул, задавая себе вопрос: какова вероятность того, что Харли сразу выгонит его вон? К несчастью, он слишком хорошо знал ответ – Стэн поступал так уже не один раз.

Озеро Анна, Вирджиния

Ночь выдалась безлунной, и, чтобы не привлекать насекомых, выключили почти все освещение. Новобранцы только что завершили кросс, после чего сделали еще по сотне подтягиваний и несколько упражнений, направленных на то, чтобы нагрузить те мышцы, которые использовались меньше всего, а также заставить хотя бы некоторых из них выйти из программы и дать остальным возможность перейти к более серьезным вещам. К несчастью, все семеро возвращались в амбар, сильно напоминая коров, которые весь день провели на пастбище. Их головы были опущены, движения стали замедленными, поступь – неуверенной, однако споры прекратились. Теперь они могли думать только о том, как бы добраться до коек.

Харли сделал глоток виски и оглядел лужайку. Несмотря на то что это была седьмая порция виски за последние три часа, он не опьянел. Когда дело доходило до выпивки и многих других вещей, Харли обладал выносливостью человека в три раза крупнее него. Однако сегодня его обычная неколебимая уверенность слегка пошатнулась. Он ощущал неприятные сомнения, которые являлись обычным делом для среднего человека, но для такого упрямого и решительного – случай редкий.

Синяк под глазом и пульсирующая головная боль представляли собой не более чем надоедливые физические неудобства. Еще несколько стаканов «Мейкерс марк», и они окончательно притупятся. Проблема была в голове – трещина в психике привела его в редко посещаемое, но становящееся все более знакомым место. И это грызло его сознание, пыталось пробраться еще глубже и сбить с ног. Тому имелись все признаки: стеснение в груди, учащенное дыхание, внезапное желание убраться отсюда куда-нибудь подальше, все равно куда. Для человека, который привык все держать под контролем, едва ли не самые неприятные ощущения из всех возможных. Он предпочел бы получить несколько ударов по голове и потерять сознание, чем сражаться с такой дрянью.

Харли знал, что есть одно средство, но он не привык им пользоваться. Годами Стэн старался хоронить свои проблемы и прятался от них всеми возможными способами. Его работа была слишком важной, врагов набралось очень много, а людей, способных подставить свое плечо, всегда не хватало. Ставки оставались слишком большими, он не мог просто сидеть и жалеть себя. Ведь Стэн был продуктом холодной войны. В то время как дети шестидесятых рвали связи и налаживали новые контакты, Харли перерезал глотки и старался забыть о чувствах. В конце пятидесятых и начале шестидесятых он рыскал по Европе, к середине шестидесятых оказался в Южной Азии. В семидесятых перебрался в Южную Америку, в начале восьмидесятых – в Центральную Америку, а потом, наконец, вляпался в самое большое дерьмо, на Среднем Востоке. И все это время шла гигантская шахматная партия в разных измерениях с Советами, продолжение того, что случилось в конце Первой мировой войны, – и как следствие Второй^[6].

Сейчас Харли совсем не хотелось встречаться со своими чувствами и мыслями, или как там еще это называть. Существовали правильные и неправильные вещи, а между ними – бездна, полная социальными нытиками, людьми, получившими в наследство роскошь безопасности и свободы, не сделавшими ничего, чтобы их заслужить. Он никогда не слышал,

чтобы подобные мнения высказывали его мать или отец. Им и не требовалось. Харли родился во времена Великой депрессии, но они сумели ее пережить. Перебрались из Чикаго в Боулинг-Грин, штат Кентукки, вместе с пятью детьми, чтобы избежать очередей за продовольствием и массовой безработицы в центральной части города.

Харли достиг совершеннолетия, так и не узнав лучшей жизни. Впрочем, его судьба, как ему казалось, ничем не отличалась от судеб соседних мальчишек. Он стоически относился к тому, что с ним происходило, и пошел в армию. Отслужив свой срок, поступил в Вирджинский технологический университет по закону о льготах для демобилизованных и закончил его с вполне приличными результатами. В последнюю весну обучения к нему неожиданно обратился человек из федерального правительства, которого заинтересовало его военное досье, и он спросил у Харли, не хочет ли тот повидать мир. И предложил попытаться его изменить. Харли заглотив наживку.

Официально он провел двадцать один последний год, посещая и покидая страны, где шла война, а также внося свой вклад в разжигание новых. На самом деле это продолжалось значительно дольше. Он участвовал во всех конфликтах между Советами и Америкой, и у него не осталось ни малейших иллюзий относительно того, чья сторона вела себя более благородно. Для этого было достаточно провести некоторое время в Берлине, чтобы понять, как влияют на жизнь капитализм и коммунизм. История двух городов – Восточного и Западного Берлина – являлась тому примером. Плакатами для правительств, которые ими управляли, начиная с окончания Второй мировой войны. С одной стороны – яркая цветная пленка, с другой – старая черно-белая куча дерьма.

И когда рухнула проклятая стена, Харли испытал необыкновенную гордость. Он проливал собственную кровь в этом сражении, потерял немало друзей и множество агентов, но они победили. К несчастью, они недолго смогли наслаждаться плодами победы. Харли и некоторые другие обратили взоры на джихадистов.

Он столкнулся с ними, когда старался подорвать финансы и промышленность Советского Союза и заставить его прекратить свои деспотические эксперименты. Это произошло в Хайберском проходе и поначалу не вызвало у него беспокойства. Те люди хотели вернуть свою землю и избавиться от Советов. Проблемы появились с религиозными фанатиками, которые пробирались сюда из Саудовской Аравии и Йемена, а также из других небольших стран.

Харли любил ругаться, пить и бегать за женщинами, что не могло не привести к противоречиям с пуританскими мрачными ваххабитами из Саудовской Аравии. Почти сразу же он начал испытывать к ним неприязнь, но тогда еще не понимал, что они захотят распространить свой джихад за пределы невысоких гор Юго-Западной Азии. Это выяснилось позже, когда они стали вмешиваться в дела палестинцев.

И все началось снова. Советы удалось остановить и победить, но появился новый враг. У Харли возникло неприятное чувство – он начал понимать, куда все ведет, к тому же впервые в жизни почувствовал усталость. Эта угроза никуда не уходила, и у него вдруг пропала уверенность, что он сумеет найти – не говоря уже о том, чтобы подготовить, – следующий отряд парней, которые должны будут встретить врага. Он нуждался в помощи. К несчастью, Харли так и не научился обращаться к другим людям...

Он услышал, как залаяла собака, потом до него долетел шум двигателя мотоцикла. Не американского, а японского или немецкого. Харли вздохнул – частично с облегчением, частично с покорностью. Приехал Док. Наверное, его вызвала Кеннеди.

Одинокий луч света пробился сквозь деревья, и через мгновение появился мотоцикл. Он ехал так тихо, что Харли услышал шорох шин по гравии. Мотоцикл остановился возле дома, и седок заглушил двигатель. Вытащив дощечку из сумки, он подложил ее под опущенную стойку и снял шлем.

Томас Льюис провел рукой по лохматым светлым волосам и посмотрел на Харли. Он сразу обратил внимание на синяк у того под глазом, но еще больше его встревожило выражение лица Харли, которое он в последнее время научился хорошо понимать.

– Трудный день?

Стэн попытался отшутиться:

– Здесь не бывает легких дней. Да ты и сам знаешь.

Льюис кивнул. Он прекрасно знал, какую цену приходится платить в их бизнесе, и что при этом страдает не только тело. Физические травмы представляют собой непосредственный урон. Они могут зажить или же нет. А вот атаки на душу и разум – совсем другое дело.

Бейрут, Ливан

Побитый пыльный «Пежо» совсем сбросил скорость. Водитель склонился над рулем, вертя головой влево и вправо, – они ехали по улице Хамра. Его приятель на пассажирском сиденье делал то же самое, но с куда меньшим рвением. Здесь отсутствовали семафоры или знаки «стоп», но старые привычки остаются надолго. Самир был младшим из четырех братьев. Трое погибли во время гражданской войны, уничтожившей когда-то красивый город. Ближайшего к нему по возрасту брата, всего на тринадцать месяцев старше, убили из ручного противотанкового гранатомета, когда он переезжал именно этот перекресток. Людям Запада, поддерживавшим проклятую гражданскую войну, улица Хамра была известна как «Зеленая линия». Али и его друзья называли ее ничейной землей.

Эта улица разделяла Восточный и Западный Бейрут и, в определенной степени, мусульман и христиан – точнее, мусульман-шиитов и христиан-маронитов. Они являлись соседями, живущими вдоль этой линии, но здесь имелись еще и мусульмане-сунниты, армяне, православные греки и друзы. Некоторые поселения были защищены лучше, другие – хуже, но почти все исчезли во время долгой и жестокой гражданской войны; ну а те, кто оказался сильнее, начали отстраивать свои дома. Гражданская война в Бейруте во многих аспектах напоминала войну между мафиозными группировками в Чикаго в 20-х годах XX века, только здесь было гораздо больше оружия.

Официально война закончилась почти два года назад, и теперь практически во всех частях города намечались признаки возрождения. Христиане на востоке строились с поразительной быстротой, мусульмане на западе старались не отставать. Подъемные краны вздымались в небо, и теперь гибель под колесами самосвала или бульдозера становилась более вероятной, чем от пули снайпера. Во всяком случае, в некоторых районах. Улица Хамра к ним не принадлежала. Ободранные стены разрушенных домов являлись отличными позициями для снайперов, если у них возникало желание кого-нибудь подстрелить.

Самир осматривал здание слева от себя; его друг Али, сидевший рядом, изучал то, что находилось справа.

– Все еще сохраняешь осторожность, – послышался хриплый голос мужчины, расположившегося на заднем сиденье.

Самир робко посмотрел в зеркало заднего вида.

– Извините.

Ассеф Сайед кивнул и снова затянулся сигаретой. Он вспомнил, что брата Самира убили где-то рядом. Много хороших людей погибло на этом богом забытом участке дороги. Сайед, однако, никогда не вел пустых разговоров со своими парнями. Подобная фамильярность могла привести к появлению новых идей. А идеи им не нужны. Они должны выполнять приказы. И еще ему не хотелось близости с теми, кем он мог в любой момент пожертвовать. Легче оплакивать потерю человека, которого ты совсем не знал, чем друзей.

Как только Али показал Самиму, что всё в порядке, тот включил двигатель, они пересекли широкую улицу с разорванными проводами и оказались в каньоне, окруженном остовами разрушенных зданий. Год или два назад Самир никогда не осмелился бы так срезать путь. Они проехали два квартала, огибая кучи мусора, и сделали крутой левый

поворот. По мере того как мужчины углублялись все дальше, дом за домом, квартал за кварталом, окрестности начали постепенно приобретать вполне приличный вид. Во-первых, исчез мусор. Строительные леса и цементно-смесительные машины стали следующим позитивным сигналом; наконец, появились застекленные дома, хотя на фасадах еще оставались следы артиллерийских обстрелов.

Двое парней, вооруженные автоматами АК-47, стояли перед блокпостом. Самир остановил машину и посмотрел на того, кто направил ему в лицо дуло автомата. Почти все солдаты здесь были очень молодыми или очень старыми, другие почти не встречались. Целое поколение бежало из страны или погибло. Самир указал большим пальцем в сторону заднего сиденья и увидел, как глаза часового широко раскрылись: он узнал безжалостного Ассефа Сайеда. Юный часовой быстро и почтительно поклонился и приказал напарнику открыть дорогу.

Блокпост был запечатан с двух сторон. Некоторые начали ставить под сомнение время и силы, которые потребовались на его создание, но Сайед лишь одаривал их одним из своих испепеляющих взглядов, и они замолкали. Полковник сирийской разведки считал, что мир – лишь затишье перед началом новых сражений, и стоит им понизить боеготовность, как они дорого за это заплатят. Он неизменно советовал другим отрядам ополчения восстанавливать численность, привлекать новых людей и использовать перемирие для покупки оружия и боеприпасов. С каждым новым месяцем ему становилось все труднее убеждать их накапливать ресурсы для будущих сражений. Однако те, кто находился под его командой, не ставили под сомнение приказы Сайеда. Он позаботился об этом, вогнав пулю в лоб одному из своих помощников на совещании штаба два месяца назад.

Сайед выбросил сигарету в канаву и вошел в офисное здание. Вдоль стен и по полу тянулись провода, чтобы электричество работало на всех этажах. Здание использовали всего две недели, и Сайед не планировал задерживаться здесь более чем еще на несколько дней. Главной их слабостью являлось полное отсутствие авиации. Если какой-нибудь израильский пес узнает, где он находится, то менее чем через двадцать минут им на голову начнут падать бомбы.

Сайед спустился в подвал по лестнице. Сильный запах сточных вод тут же напомнил ему, что город все еще страдает от продолжавшейся пятнадцать лет войны. Двое мужчин стояли в коридоре возле керосиновой лампы. В подвал все еще не провели электричество. Мужчины молча отошли от двери. Тот, что постарше, отдал честь на британский манер.

– Полковник, рад вас видеть.

Сайед ничего не ответил на приветствие.

– Где полковник Джалиль?

Мужчина кивнул в сторону двери.

– Внутри, с пленником.

Сайед жестом показал, чтобы часовой открыл дверь. Тот протянул ему руку с черным капюшоном.

– Чтобы скрыть ваше лицо.

Сайед бросил на него презрительный взгляд, часовой убрал капюшон и распахнул дверь. Посреди комнаты на металлическом стуле сидел привязанный к нему голый мужчина. Еще один стоял перед ним, другой – за спиной. Оба были в черных капюшонах. Сайед вошел и остановился перед пленником. В следующее мгновение он схватил его за волосы и поднял голову так, чтобы тот мог видеть его лицо. Сайед стоял и всматривался в пленника в течение

полуминуты. Пока оно оставалось чистым, если не считать засохшей крови на верхней губе. В остальном на пленнике не было видно никаких следов насилия.

– Кто ты такой? – спросил Сайед.

– Меня зовут Нихад Вассуф.

Сайед наградил его долгим взглядом.

– Я думаю, ты лжешь, – наконец, заговорил он. – Более того, я считаю, что ты еврей.

– Нет! – отчаянно запротестовал мужчина. – Я сириец.

– Я в этом сомневаюсь.

– Я не стал бы лгать о таких вещах. Проверьте имена, которые я вам сообщил.

Сайед именно этим сейчас и занимался, но пленник напоминал ему крысу, а ленивых глупцов в Дамаске было совсем не трудно обмануть. Сайед молча подошел к небольшой тележке. На ней лежали несколько инструментов, и он принялся по очереди касаться их пальцами. Сейчас Ассеф не хотел оказывать воздействия, которое потребовало бы медицинского вмешательства. Наконец он взял клещи, вернулся к пленнику и показал ему выбранный инструмент.

– Я не такой милый и не такой терпеливый, как эти двое. Я задам тебе вопрос только еще один раз... каково твое настоящее имя?

– Нихад Вассуф, – ответил тот после секундного колебания.

Сайед заставил пленника выпрямить указательный палец левой руки, сжал клещами ноготь в четверти дюйма от кончика пальца и несколько раз подергал. Пленник начал корчиться. Вдоль края ногтя появилась алая полоска крови.

– Назови свое настоящее имя.

– Я уже это сделал... клянусь.

– Почему ты искал американца?

– Меня послали для переговоров о его освобождении.

– Кто послал?

– Его компания.

– Я думаю, ты лжешь.

– Нет... я говорю правду. Спросите у моих друзей в Дамаске. Они поручатся за меня.

– Я тебе не верю.

– Пожалуйста. Я всего лишь посыльный. Они готовы заплатить огромную сумму денег.

– А что, если ты шпион?

– Я не шпион.

– Лжец! – И Сайед полностью вырвал ноготь указательного пальца.

Озеро Анна, Вирджиния

Доктор снял кожаное снаряжение и остановился на крыльце, чтобы выслушать рассказ Харли о событиях сегодняшнего дня. Он старался сохранять внешнее спокойствие, хотя его тревога росла сразу на нескольких уровнях. Он знал, что Харли не стоит прерывать. Лучше всего дать ему полностью выговориться. Вопросы или комментарии тот мог воспринять как личную агрессию, что привело бы к мгновенной контратаке, а это всегда давало плохие результаты.

Льюис познакомился со шпионом пять лет назад. Департамент обороны собирался отправить боевую группу в Пакистан, чтобы помочь подготовить тайную операцию Лэнгли по тренировке и снабжению оружием моджахедов в опасном пограничном регионе между Пакистаном и Афганистаном. Харли в своей обычной грубоватой манере выразил удивление тем, что хваленые «зеленые береты» теперь используют в своих отрядах мозгоправов. Он спрашивал, выполняет ли Льюис роль, аналогичную роли политруков в Красной Армии, что, естественно, не было комплиментом – ведь политруки занимались пропагандой коммунистической идеологии. Известно, что они могли сослать в Сибирь всякого, кто не демонстрировал безграничной верности партии. Их боялись и презирали даже соплеменники.

Льюис, сразу раскусив грубую браваду Харли, не стал обижаться, а лишь громко рассмеялся. Неделя проходила за неделей, и Стэн начал все чаще и чаще обращаться за советом к Льюису. Очень скоро он понял, что психолог является ценным помощником. Харли обнаружил, что у доктора есть дар: он умел читать людей и являлся ходячим говорящим детектором лжи.

Стэн закончил пересказывать события дня, но не стал ждать, когда доктор выскажет свое мнение или начнет задавать вопросы. Он сразу перешел к тому, что, на его взгляд, следовало сделать.

– Я хочу, чтобы ты посидел с ним и прошелся по событиям от начала и до конца. И, если потребуется, отложи все дела до конца недели. Нужно разобраться с этим парнем. Он что-то скрывает, и я хочу понять, что именно.

По привычке Льюис поджал губы и уставился в пустоту, обдумывая другие возможности. Он уважал Харли и относился к нему с симпатией, но его нельзя было назвать уравновешенным, душевно здоровым взрослым человеком. Кеннеди, с другой стороны, являлась одним из самых сдержанных и вдумчивых людей, с которыми он имел удовольствие работать. Прежде чем что-то предпринять, он хотел услышать ее версию происходящего.

– Я освобожу весь завтрашний день, – сказал Льюис, на самом деле еще не дав своего согласия. – Давай войдем внутрь. Я хочу есть, и мне нужно в туалет.

После того как Льюис облегчился и вымыл лицо, они нашли Кеннеди за кухонным столом, где та читала досье и ела лапшу. Льюис взглянул на не вдохновляющие макароны и нахмурился. Кулинария была его страстью, и он с болью смотрел на коллег, которые уделяли так мало внимания столь важной стороне жизни. Не говоря ни слова, он принялся искать в шкафу хоть что-нибудь подходящее для нормальной трапезы. Кеннеди и Харли обменялись быстрыми улыбками.

Льюис засунул нос в холодильник и, не оборачиваясь, сказал:

– Стэн, ты не мог бы принести бутылку вина из подвала? «Шато Доминик» меня вполне устроит. – Он вытащил пакет с курицей, захлопнул дверцу, шагнул к раковине, остановился и сказал: – Пожалуй, лучше две бутылки.

Когда Харли ушел, Льюис посмотрел через плечо на Кеннеди и жестом попросил ее подойти к раковине.

– Итак, – начал он, – Стэн не в восторге от твоего новобранца.

– Ему нелегко угодить.

Доктор открыл воду и начал мыть курицу.

– Он думает, что ты его подставила, – с насмешливой улыбкой сказал он.

Кеннеди закатила глаза.

– Это тот парень, о котором ты мне рассказывала? Из Сиракуз?

– Да.

Льюис расправил курицу, продолжая промывать ее водой.

– Ты ничего не говорила о его умении драться.

Кеннеди застенчиво пожала плечами.

– Я и сама не знала.

– Но это очень существенная деталь. – Льюис посмотрел на нее. – Я тебя не упрекаю.

– Я не горжусь собой. Но разве в конечном счете это не является плюсом?

– Может быть, да... а может быть, и нет.

Кеннеди рассказала все, что ей было известно о Рэппе, надо признать, не слишком много, но заметила, что чистая доска – это не так и плохо. И что у них есть возможность создать из него такого агента, какой им требуется. Она закончила устный доклад, когда Харли вернулся из подвала. Льюис попросил ее приготовить салат, а сам принялся кипятить лапшу, нарезать курицу и готовить белый сливочный соус. Харли осталось открыть красное вино.

Пока психолог заканчивал готовить основное блюдо, Стэн и Айрин начали все сначала. Они перебрасывались репликами; каждый старался настоять на своей версии того, что произошло, постоянно повторяя, что другой все испортил. Как и всякий хороший психиатр, Льюис прекрасно умел слушать и великолепно играл свою роль. Ему помогало то, что Харли и Кеннеди очень редко бывали скучными. Стэн принадлежал к числу пациентов, что встречаются раз в жизни, из тех людей, за общение с которыми Льюис мог бы и сам заплатить. Конечно, иногда Харли кое-что преувеличивал, но психолог сам был свидетелем некоторых его подвигов и знал, что бóльшая часть историй правдива.

С Кеннеди дело обстояло иначе. Она никого не поносила, в ней отсутствовал гнев, она не была склонна к энергичной жестикуляции, которая сопровождалась гримасами в стиле греческой трагедии. Ее речь отличалась спокойствием и интеллектуальностью, что позволяло собеседнику расслабиться. Она никогда не спешила с ответами и тщательно обдумывала свои слова, не атаковала и не имела склонности к преувеличениям, когда пыталась объяснить свою точку зрения. Они отличались друг от друга практически во всех аспектах, но у них имелись общие качества, которые усугубляли разногласия. Оба относились с глубоким подозрением ко всему, с чем им приходилось сталкиваться, и не любили соглашаться с совершенными ошибками. Ко всему прочему, долгая история их отношений приводила к тому, что во время споров в них всплывали как лучшие, так и худшие стороны. Льюис никогда не признался бы в этом в разговорах с ними, но их споры стали для

него одним из самых сильных профессиональных удовольствий: словесный поединок на уровне олимпийцев.

Стол был накрыт, вино разлито по бокалам, еда разложена по тарелкам. Кеннеди неспешно принялась за салат, а Харли и Льюис набросились на салат, курицу и феттучини в томатном соусе. Льюис ел молча, наблюдая за поединком Харли и Кеннеди. Он прерывал их трижды, но лишь для того, чтобы кое-что уточнить. Когда психолог доел все, что лежало на его тарелке, он налил себе второй бокал вина, отодвинул стул от стола и приготовился излагать свое понимание ситуации. При формировании их группы они решили, что Льюис должен иметь полный доступ ко всей информации.

Группу возглавлял Харли, но в Вашингтоне испытывали некоторые опасения из-за его ковбойского подхода. Нужно отдать должное Стэну – он понимал, что у него есть определенные слабости. Роль Льюиса не ограничивалась прополкой самых бредовых идей. Харли сказал ему когда-то: «Я не хочу слушать чушь, которую порют психоаналитики. Ты должен высказывать свое мнение, а не выдавать бесконечный поток "если"». Льюис не забыл эти слова.

– Я вижу две ошибки, – сказал он, поставив бокал на стол. – И вы оба знаете, в чем они состоят.

Кеннеди кивнула.

– Я вижу только одну, – заговорил Харли. – Она не проявила должного прилежания. А какова вторая?

– Ты считаешь, что сегодня не совершил ни единой ошибки? – спросил Льюис.

– Я не идеален, но здесь нет моей вины. – Стэн указал на Кеннеди. – Я ужасно занят – пытаюсь понять, есть ли у одного из новых парней необходимые нам качества. И не несу ответственности за дерьмо, которое она мне подбрасывает.

Льюис понял: придется смириться с тем фактом, что на Харли нужно надавить посильнее.

– У нас остается две возможности, – сказал он, откашлявшись. – Либо этот парень по-настоящему хорош, либо ты совершил ошибку. – Сделал пару глотков. – И что же имеет место на самом деле?

Харли стиснул челюсти.

– Я не совершал ошибок! – Затем он слегка смущенно добавил: – Я лишь недооценил его, вот и всё.

– Именно это и тревожит меня больше всего, – укоризненно сказал Льюис.

– Не беспокойся... такое не повторится.

– Боюсь, этого недостаточно.

Харли закурил.

– Не нужно делать из мухи слона, – небрежно сказал он.

– Чушь собачья! – Ярость Льюиса была искренней.

– Да брось ты... – сказал Стэн, пытаясь отмахнуться от доводов Льюиса.

– И не подумаю – поскольку сегодня ты все испортил, и испортил существенно.

Кеннеди откинулась назад, ее глаза были широко раскрыты; она не сумела скрыть удивления, которое вызвала у нее резкая реакция Льюиса.

– Давай не будем так остро на все реагировать, – по-прежнему небрежно произнес Харли, стараясь немного снизить накал беседы.

– Слишком остро. – Льюис подался вперед. – Я не уверен, что здесь вообще возможна

слишком острая реакция, и сейчас меня больше всего беспокоит то, что ты это понимаешь, но слишком упрям, чтобы признать вслух.

– Но это еще не конец света.

Негодование Льюиса росло с каждым отрицанием Харли.

– Ты должен оставаться непогрешимым. Эти парни должны тебя бояться, испытывать отвращение, ненавидеть – но ты не можешь допустить, чтобы один из них поставил тебе фонарь под глазом. – Льюис указал на распухший глаз Стэна. – И ни при каких обстоятельствах они не должны побеждать тебя в поединках... в особенности через пять минут после того, как вошли в ворота базы.

– Он не смог меня победить, – прорычал Харли.

– Ну это спорный вопрос. Насколько я понял, он одержал победу, а ты вывернулся, нарушив правила.

– Да... жизнь несправедлива.

– Ты прекрасно знаешь, Стэн, что на данной стадии твои подопечные подобны щенкам. Ты не можешь нарушать правила, которые сам же и установил. Это дает им неправильный посыл.

Харли откинулся назад и упрямо скрестил руки на груди.

– Меня обманом втянули в эту историю.

– Я не уверен, что так и есть, но на данном этапе приму твою сторону... Но ты не должен поддаваться на обман, – продолжил Льюис после короткой паузы. – Ты должен заставлять собак бегать до тех пор, пока они не устанут так сильно, что не смогут даже стоять на ногах. Ты должен был наблюдать за каждым из них... почувствовать, на что они способны, а потом привести их в амбар и унижить, как случилось со мной и с тобой в лагере новобранцев. Да, работа деликатная, будь я проклят, и тебе это прекрасно известно. Есть причина, по которой мы все делаем именно так, а не иначе, и твое эго не должно вмешиваться в процесс принятия решений.

– Мое эго не имеет к тому, что произошло, никакого отношения, – резко возразил Харли с кислым выражением лица. – Я лишь слегка расслабился. Ничего больше.

– Нет, – возразил, покачивая головой, Льюис, – в данном случае я склонен согласиться с Айрин. Ты все еще видишь в ней маленькую девочку и не можешь отдать ей должное. Она привезла тебе нового рекрута, а ты из-за того, что он появился не из привычного тебе источника, решил пропустить фазы один, два и три – и сразу надрать ему задницу и отправить обратно. – Психолог откинулся назад, выпил вина и уже немного спокойнее продолжал: – Неужели для тебя ничего не значит, что Томас поддерживает Айрин в данном вопросе? – Льюис напомнил про заместителя директора по оперативным вопросам.

– Я об этом не подумал, – смущенно ответил Харли.

– Но ты понимаешь, какую ситуацию создал?

Сначала Стэн никак не отреагировал, но потом очень медленно начал кивать.

Кеннеди почувствовала, что ее положение укрепляется, но она не совсем понимала, о чем идет речь.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она у Льюиса.

– Подобные вещи начинают выходить из-под контроля, – сказал тот. – Один рекрут ставит синяк инструктору, после чего остальные начинают думать, что и у них может получиться. Эти парни – обычные люди. А если добавить, что Стэну пришлось нарушить правила, чтобы одержать победу, то у нас возникает потенциально опасная ситуация.

– В каком смысле? – спросила Кеннеди.

– Неужели ты думаешь, что в наших интересах подготовить твоего парня и отправить его на задание, позволив ему считать, что, если положение выходит из-под контроля, правила можно забыть?

Теперь Кеннеди поняла, что он имел в виду.

– Проклятье, – пробормотал Харли. – Что же мне теперь делать?

– Тебе нужно убраться отсюда к дьяволу дней на пять. Я хочу, чтобы ты пришел в себя и поправился. И пусть пока остальные гоняют парней... Я же постараюсь оценить этого Рэппа и его потенциал.

– И что потом?

– Ты вернешься, встретишься с ним в амбаре и одержишь настоящую победу.

– А если он не сможет? – спросила Айрин.

Льюис и Харли переглянулись. Они оказались на незнакомой территории.

– Тогда у нас возникнет любопытная проблема, – сказал психолог, бросив взгляд на Кеннеди.

Первая ночь прошла не лучшим образом – во всяком случае, с точки зрения сна. Виктор мешал всем, рассказывая непотребные истории о своих сексуальных победах, и каждая последующая оказывалась более выразительной, извращенной и странной, чем предыдущая. Через час он утомился и назвал всех бандой педиков за то, что они не поделились историями своих походов. После чего еще четверть часа портил воздух, а затем погрузился в глубокий сон – и при этом громко храпел.

Рэпп положил подушку на голову и попытался заблокировать шум, но у него не получилось. И в часы, наступившие после полуночи, когда так необходим сон, он начал размышлять, как избавиться от Виктора. Сначала Митч подумал о том, чтобы встать и попросту задушить идиота, здесь и сейчас, но понимал, что это приведет к новому наказанию со стороны инструкторов и презрению других рекрутов. Тем не менее необходимость провести следующие шесть месяцев с этим хамом представлялась ему очень серьезной проблемой. Такие типы, как Виктор, могли увлечь кого-то за собой в своем падении, и Рэпп не сомневался, что конфронтация с ним неизбежна. И неминуемо случится, даже если один из них – или оба – попытается изменить свое поведение. Столкновения не миновать. Следовательно, ему не оставалось ничего другого, кроме как приготовиться. Либо опустить плечи и успокоиться – и тогда вся боль достанется Виктору, – либо оказаться на его месте.

Что-то в нем было очень странным. Мысль о том, что этот человек может стать оперативником, выглядела абсурдной. Будет настоящим чудом, если он сможет находиться среди врагов и не привлекать к себе внимания. Рэпп всеми силами души хотел получить новую профессию, однако прекрасно понимал, что дать обещание никогда не сдаваться и сделать это в реальном мире – совсем не одно и то же. Он понимал, что ему предстоит пройти испытания, о существовании которых он даже не подозревал. На него будет оказываться колоссальное давление, как физическое, так и психологическое, и нельзя было исключать, что в какой-то момент, на фоне сильной физической боли, в его разум могут просочиться сомнения. Способен ли Виктор создать такую обстановку, что он, Митч, начнет обдумывать вариант выхода из игры?

Рэпп не хотел получить ответ на этот вопрос. Примерно в середине ночи, когда он лежал на спине, наблюдая, как летучие мыши носятся между балками амбара, и слушая храп Виктора, Митч решил, что, если этот идиот сам не наделает серьезных ошибок, нужно будет подтолкнуть его в нужном направлении.

Они встали еще до восхода солнца. В амбар вошли два инструктора и громкими криками и пинками подняли их на ноги. К счастью для Рэппа, он спал не слишком крепко, а потому услышал, как открывается дверь, и опустил ноги на пол прежде, чем инструктор успел спихнуть его с койки. Он догадывался, что утро будет начинаться именно так, но крики вывели его из равновесия. На фоне воплей и ударов Рэпп пытался понять, чего от него хотят. Наконец, он услышал нужные слова: построение и физическая подготовка. Митч моментально оделся, натянул кроссовки и выскочил наружу. Лужайка была покрыта обильной утренней росой, и солнце еще не пробило серую вуаль на востоке.

Им не позволяли носить наручные часы, в амбаре часов тоже не было, но Рэпп прикинул, что сейчас не больше пяти утра. Температура воздуха немного превышала

двадцать градусов, и влажность была очень высокой. Предстоял еще один жаркий день.

Когда Митч собрался встать в строй, он обнаружил, что он первый и единственный, кто оказался снаружи. Рэпп решил, что есть вещи, которые имеет смысл делать первым, но некоторые – не стоит. Первым вскочить с кровати и занять место в строю того стоило. И он не станет сдерживать себя во время спаррингов и тренировок с оружием, но в испытаниях на выносливость, беге и физической подготовке не будет выкладываться по полной. Ему необходимо сохранить здоровье и иметь какой-то резерв. Этим парням необязательно знать, что он умеет бегать, как ветер.

Пока Рэпп ждал остальных, он уловил аромат кофе и повернулся в сторону дома. На крыльце появилось новое лицо – светловолосый мужчина примерно тридцати пяти лет, который внимательно на него смотрел. Митч не стал отводить глаза и даже с расстояния в несколько сотен футов отметил, что у незнакомца голубые глаза. Тот, одетый в джинсы и футболку, стоял, опираясь о колонну крыльца, потягивал кофе и даже не пытался скрыть своего интереса к Рэппу. Митч сразу почувствовал, что этот человек отличается от всех остальных. Очевидно, он сохранял хорошую физическую форму, но выглядел более расслабленным, чем другие инструкторы, окружавшие рекрутов, и маленький садист, попытавшийся лишить Рэппа мужского достоинства.

Рекруты один за другим выбегали из амбара и вставали в строй. Виктор оказался последним, что уже стало привычным делом. Сержант Смит шагал вслед за ним и что-то говорил, понизив голос. Их всех предупреждали, что в строю нельзя кричать. Они находились возле озера, а по воде звуки разносятся далеко. Но внутри амбара, с закрытой дверью, уровень децибелов резко повышался. Виктор оказался в самой дальней части строя от Рэппа.

Сержант Смит остановился перед строем из семи рекрутов.

– Вам, засранцам, лучше контролировать свое дерьмо, иначе полетят ваши головы. Я видел, как младшие бойскауты лучше справляются с подъемом, чем вы. Это было настоящим безобразием. Даже слабоумный успеет за шестьдесят секунд вытащить задницу из постели, одеться и встать в строй. А когда вы ложитесь спать, вам следует заранее подготовить свое барахло и сложить его на сундучке. Мы начинаем физическую подготовку ровно в пять утра.

Рэпп видел, что взгляд сержанта переместился к противоположному концу строя, слегка наклонился вперед и увидел, что Виктор поднял руку.

– Сержант, а когда можно будет отлить? Еще немного, и я утону.

Сержант Смит подошел к Виктору и встал напротив него.

– Может, если б ты вытащил свою ленивую задницу из постели пораньше, то успел бы поссать. – Он сделал шаг назад и оглядел строй. – Сейчас нам предстоит быстрая разминка. И хотя я ненавижу идиотов, начальство не хочет, чтобы дамочки получили травмы до того, как раскроют весь свой потенциал. Я пытался его переубедить, потому что никогда не видел таких засранцев, как вы.

– Сержант, я больше не могу, – взвыл Виктор.

– Тогда ссы в штаны, здоровый идиот. – Затем Смит повернулся ко всей группе. – Если вы не в состоянии сделать все свои дела за шестьдесят секунд, я буду обращаться с вами, как с отрядом молокососов... так что давай, Виктор, делай свои дела в штаны. Остальным советую потерпеть, пока мы не отправимся на пробежку. Там вы сможете сойти с тропы и облегчиться. А теперь – на землю, пятьдесят отжиманий, и если кто-то станет жульничать, вам придется начинать снова.

Они сделали по пятьдесят отжиманий, затем по сотне приседаний и по пятьдесят наклонов, несколько минут наносили удары ножницами и делали растяжки, и только после этого сержант Смит повел их в лес. Восемь человек растянулись в аккуратную линию – последним бежал Виктор. Рэпп чувствовал, что они пробегают мило за шесть минут; он же мог с легкостью пробежать десять миль за пятьдесят, поэтому двигался легко и свободно.

Они пробежали пять миль и остановились перед полосой препятствий, построенной прямо в лесу. Митч подумал, что это место похоже на поляну, где во времена Возрождения проводились фестивали.

Сержант Смит вытащил секундомер и засек время.

Рэпп встал пятым, постаравшись, чтобы между ним и Виктором был один человек. Он хотел посмотреть, как остальные четверо будут проходить полосу препятствий, – вероятно, они уже не раз делали это во время службы в армии. Однако его замысел потерпел крах, когда сержант Смит начал выпускать рекрутов с тридцатисекундными интервалами. Полоса начиналась с низкой, поросшей мхом деревянной стены высотой в десять футов, перед которой стояли два телефонных столба. Первый из них торчал из земли на полтора фута и находился в четырех футах от стены. Следующий отстоял от нее на два фута и имел высоту в три.

Рэпп смотрел, как первый рекрут побежал к стене, постепенно набирая скорость. Перед первым столбом он укоротил шаг, ловко поставил на него левую ногу, используя его как ступеньку. Правая нога опустилась на второй столб, затем он прыгнул на стену и схватился за верхний край двумя руками, уперев в нее колено в нескольких футах от верха. Все это напоминало контролируемое столкновение. А еще через мгновение рекрут уже приземлился на мягкую землю с другой стороны.

Второй парень повторил те же движения. Третий попытался действовать немного по-другому, и ему пришлось подтянуться на руках. После этого нужно было пробежать участок в сорок футов и преодолеть стену высотой в пятнадцать, с которой свисали веревки. Здесь не требовалось проявлять особой ловкости: хватаешься за веревку, упираешься ногами в стену и поднимаешься вверх. Дальше была колючая проволока. И опять все оказалось предельно очевидным: нырнуть и, не поднимая зад, проползти под ней по-пластунски. Далее шла грузовая сеть, натянутая между двумя соснами. Затем следовало пройти по бревнам, находившимся на высоте в три фута и расположенным в зигзагообразном порядке – нечто вроде мостика для проверки чувства равновесия.

Что находилось дальше, Рэпп со своего места разглядеть не успел, потому что пришел его черед начинать. Он быстро вытер ладони о шорты и, когда сержант Смит дал сигнал, побежал к невысокой стене, повторяя шаг за шагом действия первого рекрута. Митч сумел ухватиться за верхний край, подтянулся и с легкостью приземлился на другой стороне. Со второй стеной он тоже разобрался без особых усилий, да и колючая проволока оказалась совсем простой. Если человек не в силах понять, как ползать, то ему следует возвращаться домой. А вот грузовая сеть стала первым серьезным испытанием. Когда Рэпп преодолел треть, он понял, что центральная часть провисает слишком сильно, поэтому ему пришлось сместиться к краю. Дальше пошло легче. Мостик из бревен не вызвал ни малейших затруднений, как и шины; канаты же показались ему детской игрой.

Затем Рэпп оказался перед сооружением, напоминавшим женские гимнастические брусья. Он немного помедлил, не зная, как атаковать два параллельных шеста, и практически сразу появился инструктор, который принялся выкрикивать приказы. Рэпп решил, что, если

следовать его советам, он почти наверняка сломает себе ребра, но выбора не оставалось, поэтому он уцепился за первый шест, затем за второй. Далее его снова поджидали шины и штука, носившая название мост Бурма, – и снова бревна, веревки, стены и финишный спурт.

Когда Рэпп пересек линию финиша, сержант Смит смотрел на секундомер и качал головой. Потом он презрительно взглянул на Митча.

– Хуже некуда.

Рэпп согнулся, опираясь руками о колени, сильно преувеличивая свою усталость. Ему хотелось улыбнуться, но он сдержался, понимая, что не мог показать плохой результат. Парень, стартовавший вслед за ним, еще не закончил. Митч обернулся, чтобы посмотреть, как проходят дистанцию оставшиеся двое. У края полосы, примерно в пятидесяти ярдах, он увидел светловолосого парня, который утром пил кофе на крыльце. Тот стоял на опушке леса и неотрывно смотрел на него, вновь не пытаясь скрыть свой интерес.

Кеннеди оставила машину на восточной парковке и вошла в здание штаба ровно в восемь часов три минуты. Она воспользовалась полуторачасовой поездкой от озера Анна, чтобы попытаться установить порядок очередности в своем постоянно растущем списке обязанностей, как официальных, так и всех прочих. Большая часть ее работы делалась без протокола, из чего следовало, что она не вела никаких записей и не составляла досье. Ей приходилось все держать в голове. И всякий раз, когда она приезжала в штаб, ей требовалось тщательно выстраивать свой доклад. Когда двери открылись на шестом этаже, один из ее боссов уже ждал с выражением глубокой тревоги на лице.

Макс Пауэрс подтолкнул ее обратно в лифт.

– Проблема, – сказал он.

Пауэрс был шефом ближневосточного бюро. Айрин потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к его стилю работы. Он славился тем, что любил предложения, состоящие из одного слова. Коллеги, работавшие с ним много лет, называли Пауэрса Мушкетером Максом.

Кеннеди сделала шаг назад.

– Что случилось? – спросила она.

Как и всегда, когда Кеннеди входила в это здание, она опасалась, что кто-то узнал о ее программе тайной подготовки оперативников.

– Бейрут, – ответил Пауэрс, полагая, что этого достаточно.

Слово «Бейрут» означало очень многое, но в то жаркое августовское утро Кеннеди могло прийти в голову только одно.

– Джон?

– Да.

– Дерьмо, – пробормотала Айрин.

Джон Камминс, один из агентов, работавших под глубоким прикрытием, три дня назад проник в Ливан. А на прошлой неделе похитили бизнесмена из компании, которая занималась хранением информации. Эта компания, как оказалось, принадлежала техасцу, имевшему серьезные связи в Вашингтоне. Он являлся приверженцем старых традиций, когда-то служил в армии – и в течение тридцати лет с огромным энтузиазмом и безвозмездно делился с ЦРУ и Пентагоном информацией, собранной им самим и его людьми за рубежом. Многие влиятельные люди были ему должны, и он решил, что пришло время напомнить об этом некоторым из них.

Пентагон не располагал никаким влиянием в том регионе, у ЦРУ положение было немногим лучше. Они все еще приходили в себя после похищения, пыток и смерти их бейрутского шефа разведки, погибшего пять лет назад. А вот у Лэнгли имелись кое-какие связи в Иордании, Сирии и Израиле. Камминс, в течение трех последних лет живший в Сирии, являлся самым лучшим агентом, которого можно было использовать. Он сумел завести ряд полезных контактов, позиционируясь как специалист по производству фальшивых долларов, а также контрабанде американских товаров, которые запрещалось ввозить в регион.

С самого начала Кеннеди выступала против его использования. Он был самым ценным агентом в Сирии и Бейруте, и, хотя сейчас там стало спокойнее, чем в восьмидесятые, эти места являлись скорее Диким Западом Ближнего Востока. Если что-то пойдет не так, они

потеряют Камминса. Однако ее возражения были отмечены кем-то куда более влиятельным.

– Насколько плохо? – спросила Айрин.

– Плохо.

Двери открылись на седьмом этаже, и Кеннеди последовала за Пауэрсом по коридору к кабинету Томаса Стэнсфилда, заместителя директора по оперативным вопросам. Дверь оказалась открытой, и они сразу прошли через приемную, мимо помощника Стэнсфилда, в главную часть кабинета.

Пауэрс закрыл звуконепроницаемую дверь, и Кеннеди посмотрела на седовласого Стэнсфилда, который сидел за массивным письменным столом, держа в одной руке очки, в другой – телефонную трубку. Стэнсфилд, вероятно, был самым уважаемым человеком в здании, да и в городе, к тому же внушал благоговейный трепет. Кеннеди находилась в той же команде, что и Стэнсфилд, поэтому уважала, но не боялась старого шпиона.

Стэнсфилд перебил человека, с которым разговаривал по телефону, попрощался и положил трубку на рычаг.

– Есть новости? – спросил он, глядя на Пауэрса.

Тот покачал головой.

– Как это случилось? – спросила Кеннеди.

– Он покинул свой отель на улице Моно и отправился на деловую встречу, – сказал Стэнсфилд. – Но так там и не появился. И не вышел на связь днем. Я позвонил своему коллеге в Израиле, и «Моссад» осторожно навел справки. – Стэнсфилд покачал головой. – Сегодня после полудня владелец магазина видел, как человека, похожего на Камминса, заставили забраться в багажник.

Кеннеди почувствовала, как все у нее внутри сжалось. Ей нравился Камминс. И они знали, как события будут развиваться дальше. Попытки начнутся практически сразу, и как бы ни держался Камминс, смерть являлась наиболее вероятным исходом.

– Я помню, что ты возражала против его использования, – сказал Стэнсфилд, – но имелись обстоятельства, о которых даже я не знал.

– Какие именно?

Босс покачал головой, показывая, что не может ответить на вопрос.

– Для нас сейчас самым важным является то, подтвердит ли сирийский контакт легенду Шнобея. Если они этого не сделают, все закончится очень плохо. – Камминс был наполовину армянином и наполовину евреем, и его носу мог бы позавидовать римский император; отсюда и возникла кличка.

– Сыграем по-крупному, – заговорил Пауэрс. – Отправим туда техасского парня с парой чемоданов, набитых наличными.

– Таковую возможность я уже обсудил с Белым домом. Однако они нервничают, и у них есть на то причины.

– Так и должно быть, – сказала Кеннеди. – Они только что лишили нас одного из самых ценных агентов, пытаясь оказать личную услугу, – и это, насколько мне известно, не имеет ни малейшего отношения к национальной безопасности.

– Бинго, – сказал Пауэрс.

Стэнсфилд некоторое время молчал.

– У меня есть запасной канал, который я могу использовать вместе с генеральным директором. Он хочет получить своего человека обратно и, мне думается, после того, как я расскажу ему, что случилось с нашим агентом, будет готов заплатить за обоих. Это поможет

всех убедить, что Шнобель работает по найму.

– И нам лучше поспешить, – сказала Кеннеди. – Мы не можем знать, как долго он продержится. Если они его сломают... – Она смолкла и содрогнулась при мысли о том, какой вред будет причинен.

– Я знаю, – со вздохом ответил Стэнсфилд.

– Операция по спасению? – спросил Пауэрс.

Шеф слегка смутился.

– Нет. Мы знали, что так будет, когда в это ввязались. Бейрут все еще «радиоактивен».

– А если у нас будут надежные разведданные? – спросила Кеннеди.

– Это очень большое «если».

– И все-таки, – не сдавалась Кеннеди. – В таком случае нам нужно будет туда кого-то отправить.

Стэнсфилд печально покачал головой.

– Угловой офис или Тысяча шестьсот? – спросил Пауэрс.

Кеннеди поняла, что он имел в виду директора ЦРУ или Белый дом.

– Белый дом, – ответил Стэнсфилд.

– Наши друзья в Институте, – предложил Пауэрс. – Они в курсе?

Стэнсфилд постучал кожаным пресс-папье по столу, размышляя о привлечении израильтян. «Институт» был сленговым обозначением, которое использовал Пауэрс, имея в виду Институт разведки, известный как «Моссад».

– Мне сказали, что им все стало известно раньше нас.

– Может быть, нам стоит предоставить им сыграть в ковбоев... если до этого дойдет.

То, что ему не пришло в голову использовать «Моссад», говорило о сложных отношениях между ними.

– Если у нас появится что-нибудь конкретное, я рассмотрю такую возможность, но...

– Вы не хотите быть у них в долгу, – сказал Пауэрс.

– Совершенно верно. Скорее всего, они потребуют того, что я либо не смогу, либо не захочу им дать.

– Могу я кое-что сказать, сэр? – спросила Кеннеди.

Стэнсфилд не был уверен, что хочет это услышать, но знал, что необходимо давать своим людям выговориться. Он кивнул.

– Эта проблема никуда не исчезнет до тех пор, пока мы не отправим тем парням серьезного послания.

– Ты имеешь в виду похищение людей?

– Да.

– Примерно за пять минут до того, как вы вошли, я сказал директору те же самые слова, но складывается впечатление, что в данный момент у нас не хватает политической силы, чтобы действовать агрессивно.

– Засранцы, – пробормотал Пауэрс, посмотрел на Кеннеди и добавил: – Извини.

– В извинениях нет нужды. – Она немного помолчала и решила, что пришло время предложить что-то свое. – Вы знаете, что это значит?

– Нет.

– Еще один пример того, что нам необходимо задействовать Ориона. Проклятье, как мы можем использовать наших агентов в таком окружении? Плохо уже то, что мы не проявили достаточной жесткости с этими типами... и непростительно, что даже не рассматриваем

операцию по спасению нашего агента. Господи, он же один из нас!

Стэнсфилда не удивило, что Кеннеди подняла этот вопрос. На ее месте он поступил бы так же, но во время подобных кризисов самой распространенной ошибкой являлась поспешность, а сейчас прежде всего требовалось время.

– Я хочу, чтобы это произошло, не меньше, чем ты, Айрин, но мы не можем спешить. Если мы пошлем в поле не до конца подготовленных людей, то всю нашу энергию придется употребить на то, чтобы вытащить их из огня. Верь мне... я сам видел это в Берлине. Потерпи еще несколько месяцев. Если хотя бы пара парней покажет, что они готовы, я дам зеленый свет и буду поддерживать вас на каждом шагу.

Кеннеди посчитала это за обещание, но не могла не думать о Камминсе и о том, что ему придется переносить. И тут ее мысли, по непонятной для нее причине, обратились к Рэппу. Она надеялась, что именно он окажется нужным агентом. Оружием, которое можно будет направить против фанатиков и убийц.

Озеро Анна, Вирджиния

Каждый из них трижды прошел полосу препятствий, затем они вернулись ускоренным маршем в амбар на завтрак. Там набили желудки яйцами и блинами, после чего им выделили тридцать минут на переваривание пищи и приведение в порядок коек. Рэпп облегченно вздохнул, когда Виктор принялся приставать к другому рекруту. Затем они отправились стрелять из пистолета – до рубежа пришлось пробежать две мили по лесу. Однако это не было легкой прогулкой. Им дали двенадцать минут и предупредили, что всякий, кто опоздает, может собирать вещи. Рэпп начал понимать, что им предстоит много бегать, что его вполне устраивало. Он держался в паре шагов от лидера и всячески делал вид, что старается изо всех сил.

Примитивное стрельбище находилось рядом с полосой препятствий. Его размеры составляли двенадцать футов в ширину и сто в длину. Трактор выкопал траншею глубиной в десять футов между рядами сосен. Вдоль нее установили старые автомобильные покрышки, покрытые камуфляжной сетью, что в сочетании с ветвями сосен делало освещение не самым лучшим. Три стрелковых рубежа были сделаны из фанеры и дерева. Силуэты мишеней уже висели на расстоянии в двадцать футов, девятимиллиметровые «Беретты 92F» с глушителями заряжены и подготовлены к стрельбе. Первая тройка парней заняла позицию, и по приказу сержанта Смита они начали опустошать обоймы, целясь в бумажные мишени.

Рэпп тяжело вздохнул, когда они закончили. Первые двое положили все пули в центр груди черных силуэтов – все попадания можно было накрыть обычной консервной банкой. У третьей мишени образовалась аккуратная дыра размером с серебряный доллар в самом центре лица. Все трое ни разу не промахнулись. На Рэппа их стрельба произвела впечатление, но более всего его поразила реакция сержанта Смита – инструктор улыбался.

Он подошел к третьему стрелку.

– Обычно я не люблю «морских котиков», но, проклятье, они учат своих парней стрелять. – Он хлопнул стрелка по спине и жестом предложил следующей тройке занять места на рубеже.

Результаты получились аналогичными – во всяком случае, с первыми двумя. Оба пробили набор отверстий в груди мишеней. Однако мишень Рэппа выглядела иначе.

Митч опустил пистолет и посмотрел на то, что у него получилось. Он начал стрелять всего несколько месяцев назад и учился практически без инструктора, а потому результаты были не самыми лучшими. Мишень напоминала кусок швейцарского сыра с дырами на груди и до паха. Рэпп положил тяжелую «Беретту» на фанеру и соорудил мрачную гримасу, когда к нему с двух сторон подошли инструкторы.

– Да, определенно не «морской котик», – сказал сержант Смит.

– Верно, – кивнул сержант Джонс. – И не солдат-пехотинец. Может быть, гангстер... Именно так стреляют маленькие ублюдки. Разброс по всей мишени – в надежде поразить жизненно важный орган.

– И уж всяко не так, как делается у нас, – добавил сержант Смит.

– Сынок, – сказал тот, кто повыше, – где тебя учили так дерьмово стрелять?

Рэпп откашлялся и признался:

– Я не умею стрелять, сержант.

– Ты хочешь сказать, что пробовал, но у тебя ничего не вышло, или что тебя никто не учил?

– Меня никто не учил, сержант.

Наступила неловкая пауза, пока сержанты решали, как поступить. К несчастью, вмешался Виктор.

– Он стреляет, как девчонка, – отпустил он дурацкую шутку.

Бронзовая кожа Рэппа покраснела. Он знал, что из-за недостатка тренировки стрельба будет его слабостью. Тем не менее ему стало не по себе, когда он увидел, что остальные делают это намного лучше.

– Можете дать мне какие-то советы? – спросил он, глядя на сержанта Смита.

Менее высокий сержант оценивающе посмотрел на Рэппа и кивнул.

– Давай посмотрим, что у тебя получится во второй раз. – Он протянул ему новую обойму.

– Ну ладно, Виктор, ослиная задница, покажи нам, на что ты способен, – крикнул сержант Джонс.

Остальные пятеро рекрутов отошли в сторону, дожидаясь, когда поставят новые мишени. Сержант Смит встал рядом с Рэппом и принялся негромко давать указания. После того как Митч сделал один выстрел, сержант показал, как нужно изменить хват, положение ног и локтя. После каждого следующего выстрела Смит давал новые указания, и пули стали ложиться кучнее. Разброс все еще был достаточно велик, но все выстрелы поразили грудь мишени.

Рэпп услышал, как кто-то захихикал, и посмотрел на мишень Виктора. Клоун прострелил глаза и нос, пять выстрелов образовали рот с опущенными уголками. Оставшиеся пули Виктор уложил в районе паха.

– Виктор, – спросил сержант Джонс, – какого дьявола ты делаешь?

– Долговременное стратегическое планирование, сержант.

– Я сомневаюсь, что твой мозг величиной с горошину на такое способен.

– Контроль рождаемости, – сказал Виктор, выплевывая на землю жвачку. – Отстрелить яйца всем исламистам, и больше не будет детей-террористов. А через двадцать лет мы сможем объявить о нашей победе. Гениально, если забыть о скромности.

Сержант Джонс упер руки в бока.

– Положи оружие, Виктор, и сделай шаг назад. – Здоровяк повиновался, и сержант с сожалением продолжал: – Так как все вы вполне прилично стреляете, а Виктор считает, что это шутка, мы возвращаемся к нулевому курсу, где я буду гонять вас до тех пор, пока хотя бы один не начнет блевать. А наша уважаемая девственница останется с сержантом Смитом и попытается изучить основы стрельбы из пистолета. – Сержант оглядел группу, и, убедившись, что все застыли на месте, продолжал: – Но, дамочки, сначала вам нужно будет сделать немного отжиманий. – И он хрипло закричал: – Занять исходную позицию!

Все шестеро упали на землю в горизонтальное положение. Затем сержант приказал начать упражнение, и все молча подчинились, за исключением Виктора, который продолжал жаловаться.

Пока они отжимались, сержант Смит приступил к обучению Рэппа тонкостям снайперской стрельбы. Митч слушал его очень внимательно, стараясь осмысливать каждое слово. Сержант Смит приказал ему целиться в голову, вставил новую обойму и отвел затвор.

– Когда вставляешь новую обойму и взводишь затвор, патрон автоматически попадает в ствол. – Сержант протянул оружие Рэппу и добавил: – Курок взведен. Пистолет готов. Не все пистолеты устроены подобным образом, но «Беретта» работает именно так. Еще здесь есть красная точка... красный означает мертвый. Так что не наводи оружие туда, куда не собираешься стрелять, и не касайся пальцем спускового крючка, пока не будешь готов. Понял?

Рэпп кивнул.

– Хорошо, а теперь покажи мне стойку. Так, ноги нужно немного сместить. Ты левша, поэтому поставь правую ногу на несколько дюймов впереди левой. Создай силовой треугольник при помощи рук и наведи красную точку на центр головы. Некоторые парни считают, что лучше вдыхать, чем выдыхать, но я не хочу, чтобы ты слушал эту чушь. Тебе нужно научиться стрелять на бегу, поэтому нельзя фиксировать внимание на дыхании. Сейчас главное то, как ты нажимаешь на спусковой крючок. Заметь, я не говорю – тянуть. Нажимай – и отправь пулю в центр головы.

Рэпп сделал все, как ему сказали, и пуля вылетела из глушителя. Дуло слегка подпрыгнуло, а когда опустилось, Рэпп увидел, что сделал идеальный выстрел.

– А теперь повтори, – приказал сержант Смит.

Митч нажал на спусковой крючок, и пуля вошла в цель, отклонившись на полдюйма вправо.

– Еще раз.

Третья пуля легла между первой и второй. Рэпп поймал ритм. Он не спешил, но и не делал слишком больших пауз. Ему потребовалось менее двадцати секунд, чтобы опустошить обойму, а когда он закончил, выяснилось, что все пули легли внутри круга диаметром в шесть дюймов – на лице мишени появилась дыра. Рэпп облегченно вздохнул.

Сержант Смит хлопнул его по плечу.

– Ты вполне обучаем, парень. Хорошая работа. Давай попробуем еще несколько раз.

Митч слегка повернул голову, когда перезаряжал пистолет, и посмотрел через левое плечо. Примерно в шестидесяти футах, в тени большой сосны, стоял светловолосый мужчина и наблюдал за ними. Освещение было тусклым, и Рэпп не мог сказать наверняка, что узнал мужчину, но подумал, что именно его он видел утром на крыльце. Митч повернулся к сержанту Смицу, чтобы спросить про незнакомца, но в последний момент передумал. Не следовало путать инструкции, которые он получал один на один, с дружбой.

Доктор Льюис вошел в кабинет, мимолетно улыбнулся посетителю и закрыл за собой дверь. В течение трех дней он внимательно наблюдал за новым рекрутом. Двадцать три года... самый молодой из всех, кого они пытались провести через свою программу, – и Льюис пришел к выводу, что он подает большие надежды. Перед тем как сесть, психолог посмотрел на лежавшие в центре письменного стола блокнот, ручку и папку с именем Рэппа, написанным на обложке большими черными буквами. Ее невозможно было не заметить – и Льюис сознательно положил ее в самый центр.

Они на удивление мало знали об этом человеке; с другой стороны, что вообще можно знать о таком молодом парне – ведь он не прошел никаких испытаний. Если послушать вспыльчивого Харли, то отсутствие опыта является проклятием, но более прагматичная Кеннеди считала его благословением. Льюис так и не принял решения, кто из них прав, и устал от их бесконечных пикировок.

Он обошел стол, сел на потрепанное кожаное кресло и под металлический скрип откинулся на спинку. Не обращая на него внимания, перевел взгляд с объекта на предметы, лежавшие на письменном столе. В его работе существовало множество инструментов – маленькие хитрости, помогавшие оценить сидевших перед ним людей. Некоторые были достаточно тонкими, другие открытыми, но все вместе помогали лучше понять, как работает разум людей, которых они намеревались использовать в будущем. Досье на письменном столе представляло собой тест.

Предыдущие пять минут Льюис провел в подвале, наблюдая за рекрутом через скрытую камеру. Рэпп сидел на стуле, подобно сфинксу. Лишь однажды он посмотрел на папку и принял расслабленную позу, что говорило о скуке. Льюис недостаточно хорошо его знал, чтобы оценить искренность, но в Митче Рэппе было нечто, говорившее о высоком потенциале. Его внешнее равнодушное спокойствие являлось маской, за которой скрывалось нечто неочевидное.

Льюис подумывал о том, чтобы взять блокнот и ручку. Это был способ продемонстрировать свою власть и надавить на испытуемого. Давление могло привести к тому, что объект начнет давать неправильные ответы. Психолог отказался от такого образа действий. Наблюдения последних трех дней показывали, что такой прием не даст ему никаких преимуществ и не сможет вывести Рэппа из равновесия. Во всяком случае, до сих пор он ни разу не терял хладнокровия.

Повинуясь импульсу, Льюис скрестил руки на затылке и небрежно спросил:

– Вам известно, во что вы ввязались?

Рэпп посмотрел на него темными карими глазами и пожал плечами, словно посчитал ненужным отвечать на столь очевидный вопрос.

– Я не умею читать мысли, – полушутя сказал Льюис. – Мне нужно, чтобы вы произносили свои ответы вслух.

– Вы рассчитываете превратить меня в оружие... в убийцу.

Льюис обдумал прямой ответ.

– Ну не я лично, но в целом да – именно таковы наши намерения.

Рэпп едва заметно кивнул, словно его все устраивало, и посмотрел в голубые глаза человека, который столько времени издали за ним наблюдал.

– У вас есть какие-то сомнения?

– Пожалуй, нет.

Льюис положил руку на стол и долго смотрел на тыльную сторону ладони.

– Однако испытывать сомнения было бы естественно, – заговорил он после многозначительной паузы.

Рэпп натянуто улыбнулся.

– Наверное, вы правы.

– Значит, у вас все-таки имеются сомнения?

Вопрос получился не слишком определенным, а Рэппу такие вещи не нравились.

– В каком смысле?

– Вам придется взять на себя серьезные обязательства. Большинство ваших друзей уже получили должности в «Кодаке» или «Ксероксе».

Да, очень многие из них так и поступили, но этот лишь кивнул.

Льюис отметил, что Рэпп не выпрыгивает из штанов, пытаясь произвести на него впечатление честными ответами. Не демонстрировал он и открытого неуважения, как поступали многие кандидаты, у которых срабатывал защитный механизм. Он сохранял практически идеальное равновесие. Льюис решил пропустить двадцать минут предварительных разговоров и сразу приступить к главному.

– А вы не думали о том, каково это: убить человека?

Рэпп кивнул. Он очень много времени размышлял на данную тему, но никогда не признался бы ни этому человеку, ни кому-то другому.

– Вы считаете, что это полезно для здоровья?

На сей раз Рэпп коротко рассмеялся.

Льюис отметил классическую технику уклонения от вопросов, но ему не хотелось быть критичным, поэтому он улыбнулся в ответ.

– А что смешного я сказал?

– Я могу ответить на ваш вопрос шестью различными способами, и каждый покажется вам приемлемым. Или ни один из них.

– Что вы имеете в виду?

– Тут все зависит от контекста.

– Да, контекст важен, – согласился Льюис. – Приведите пример.

Рэпп на мгновение задумался.

– Если я лежу всю ночь и размышляю о том, чтобы убить парня, который забрался в мою машину и обворовал меня, то определенно можно сделать вывод, что у меня проблемы с контролем над гневом и я плохо понимаю, в чем должно состоять наказание. – Рэпп положил загорелую руку на спинку стула и на секунду посмотрел в окно, размышляя, насколько откровенным ему следует быть. – Но если я не сплю ночью и думаю, как всадить нож в глазницу террориста, убившего пару сотен мирных граждан, – Рэпп пожал плечами, – я думаю, это совсем другое дело.

Льюис оценил прямой ответ. Однако ему хотелось получить реакцию на более глубоком уровне.

– Вы скучаете по своей подруге? – спросил психолог.

Рэпп бросил на него разочарованный взгляд и покачал головой.

– Что-то не так? Я вас оскорбил?

– Нет... на самом деле нет...

– Однако если судить по выражению вашего лица, это не так.

– Я добровольно согласился участвовать в программе, но я не люблю подобные игры.

– Игры? – Льюис приподнял бровь.

– Вы ведь психолог? – Рэпп не дал ему шанса ответить. – Вы наблюдали за мной в течение трех предыдущих дней. Я заметил, что вы уделяете мне особое внимание. Больше, чем другим. Тщательно подбираете слова, и у меня нет ни малейших сомнений, что вы читали лежащее на вашем столе досье. Вам известно, почему я здесь.

Льюис сумел скрыть удивление, когда Рэпп угадал его профессию.

– Моя работа состоит в том, чтобы задавать вопросы.

– И зачем вы спросили, скучаю ли я по ней? Вам не кажется, что ответ очевиден?

– Ну так почему вы здесь?

– Я здесь не из-за того, что скучаю по ней. Я скучаю по отцу, который умер, когда мне было тринадцать. Я скучаю по своим бабушкам и дедушкам, и буду скучать по маме, когда она умрет, и, если я хорошо узнаю вас, буду скучать и по вам. Это часть жизни. Я здесь по вполне очевидной причине. И уверен, что она вам хорошо известна.

Льюис отметил, что Рэпп овладел нитями разговора, но был готов ему подыграть.

– Месть?

– Я предпочитаю слово «возмездие», но тут все зависит от определения, на котором вы остановитесь.

Льюис был доволен, что Рэпп заговорил о различии. Он прекрасно понимал, в чем оно состоит.

– Я бы хотел услышать ваше определение.

– Месть – это нечто дикое, менее рассчитанное... и глубоко личное.

– А возмездие?

Рэпп немного подумал, а потом произнес очень ясно и четко:

– Возмездие – это наказание, верное с моральной точки зрения и совершенно заслуженное.

– Как, например, людей, которые подготовили крушение рейса сто три?

Рэпп подался вперед и уперся локтями в колени.

– Каждый из них заслуживает смерти.

Льюис бросил взгляд на лежащее на его письменном столе досье.

– Вы католик? – спросил он.

– Да.

– И как это вписывается в ваши отношения с Богом? Ваше представление о возмездии не слишком соответствует учению Иисуса Христа, предлагавшего подставить другую щеку.

– Хорошая попытка, – усмехнулся Рэпп.

– Что вы имеете в виду?

– Я вам открою небольшую тайну о себе. Я не самый терпеливый человек. Мне нужно многому научиться, и я к этому стремлюсь, так что если вы начнете бомбардировать меня избранной теологией, я могу отступить.

– Избранной?

– Да. Я никогда не понимал интеллектуальную бесчестность людей, которые называют Библию словом Божьим, а потом, для примера, используют строки только из Нового Завета. «Подставить другую щеку» – их любимые слова, и они активно их цитируют, игнорируя дюжину строк Ветхого Завета, которые означают, что люди, уничтожившие тот самолет,

заслуживают смерти.

Льюис согласно кивнул.

– Значит, если до этого дойдет, у вас не возникнет проблем с убийством другого человека?

– Все зависит от обстоятельств.

– Каких именно?

– Кто этот человек и, что еще важнее, в чем он виновен.

Когда наступило утро пятого дня, они лишились рекрута по имени Дик. Рэпп не знал, как его звали на самом деле, тем более откуда он и куда направится дальше, так что не почувствовал особого огорчения, когда Дик под лучами горячего солнца перестал делать отжимания и встал. Он просто подошел к одному из инструкторов, сообщил о своих намерениях, и они пожали друг другу руки. И все, парень исчез. Больше не будет боли, пота, горящих мускулов, усталых глаз и униженного эго. Все получилось просто и невероятно напугало Рэппа.

Он даже задумался о том, способен ли все бросить. Достаточно одного мгновения слабости. Приступ плохого настроения, простуда, лихорадка или бессонная ночь. Один неверный шаг, и уже он будет пожимать руку и собирать вещи. Когда ночью Рэпп засыпал, он постарался сосредоточиться на позитивных вещах. Теперь конкурентов стало на одного меньше. Они постоянно повторяли, что это не соревнование, так почему же инструкторы постоянно все записывают? Образ парня, раскланявшегося через пять дней, заставил Рэппа постоянно следить за любыми проявлениями собственной слабости. Теперь он видел, как быстро может подойти к роковому концу его путешествие.

Митч проснулся усталым, но готовым продолжать. Он первым встал в строй и начал разминать мышцы шеи и плеч, дожидаясь остальных, когда обратил внимание на двух инструкторов, которые вели между собой какой-то неприятный разговор. Когда все, наконец, заняли свои места в строю, сержант Джонс выступил вперед. На его лице застыло недовольное выражение.

– Один из вас прошлой ночью все очень серьезно испортил.

Рэпп мучительно напрягал мозг, пытаясь понять, какие ошибки мог совершить.

– У нас есть правила – и не без причины. На данном этапе неважно, понимаете вы их или нет; вам нужно лишь им следовать. – Он сделал паузу и посмотрел каждому в глаза. – Вам многократно повторяли, что необходимо держать в тайне личную информацию. Ну... мы понимаем, что кое-какие вещи друг о друге вам удастся узнать. У некоторых есть небольшой акцент, и не так уж сложно понять, в какой части страны вы родились. Что касается военного опыта, мы не стали отрывать вам яйца за обсуждение здорового соперничества между разными службами, но прошлой ночью один из вас пересек границу. – Он остановился и посмотрел в землю. Далее разочарованно продолжал: – Но одно вам нельзя было делать категорически: называть свое настоящее имя.

Рэпп услышал, как в строю кто-то что-то пробормотал себе под нос, но не понял, кто именно, а учитывая настроение обоих инструкторов, решил не оборачиваться.

– У вас достаточно ума, чтобы это понимать, и вас много раз предупреждали, что произойдет, если вы нарушите правила. Здесь вам не паршивый летний лагерь. Это очень серьезное дерьмо, – разочарованно продолжал сержант Джонс и посмотрел в сторону дальней части строя. – Билл, собирай свое барахло. Ты нас покидаешь.

Парень по имени Билл, которого Рэпп запомнил, как «морского котика» и снайпера из Техаса, сделал шаг вперед, качая головой в ответ на жестокий приказ, который только что получил. Казалось, он собрался что-то сказать, но потом спохватился и промолчал. Сержант Джонс показал, что Билл должен следовать за ним к амбару. Сержант Смит повел остальных на физическую подготовку, но перед уходом Билл повернулся к группе.

– Виктор, ты настоящий ублюдок. Я говорил тебе, что не хочу называть свое имя, но ты не мог оставить меня в покое. – Он перевел взгляд на сержанта Джонса и спросил: – Почему его не выгоняют вместе со мной?

– Не задерживайся. Мы поговорим об этом в амбаре.

– Чушь какая-то. Виктор назвал мне свое настоящее имя и рассказал, откуда он. Как и я, – пожаловался Билл.

Виктор рассмеялся.

– Я назвал фальшивое имя, глупая ты деревенщина.

– Проклятье, зачем? – спросил один из парней, стоявших в строю рядом с Виктором.

– Засранец, – проворчал кто-то другой.

– Парни, вам бы следовало меня поблагодарить, – небрежно заявил Виктор. – Теперь нас стало на одного меньше.

Сержант Смит заставил всех замолчать, выкрикнув приказ:

– Следующий, кто откроет свой поганый рот, будет исключен. А теперь займемся отжиманиями.

Рэпп опустил голову во влажную от росы траву и начал отжиматься, мысленно считая количество попыток. За последние пять дней он столько раз отжался, что это упражнение стало для него естественным – как дыхание. Где-то после сорока, но не доходя до пятидесяти, Рэпп почувствовал, как в нем растет ненависть к Виктору. Если бы только этот здоровенный осел споткнулся и сломал лодыжку... Находиться рядом с ним становилось все опаснее. В течение дня, пока они бегали, выполняя одно упражнение за другим, Рэпп никак не мог избавиться от чувства, что они с Виктором двигаются друг к другу на встречных курсах. Теперь, когда Дик вышел из программы, а Билла изгнали, у Виктора стало на два объекта для издевательств меньше. И теперь ему будет проще сосредоточиться на Рэппе.

Долгий бег особенно нравился Митчу, потому что Виктор был самым медленным в группе. Поэтому ему приходилось помалкивать. Когда пришло время завтрака, все старались игнорировать здоровяка, но для него это явно не имело значения. Он оставался все таким же разговорчивым, продолжал всех оскорблять и отпускал грязные шуточки, на которые инструкторы почему-то не обращали внимания. Они провели час на полосе препятствий и еще час на стрельбище, после чего отправились на обед. Настроение у рекрутов было паршивое. У всех появилось ощущение, что среди них предатель. После еды они занимались разборкой и сборкой разных пистолетов, потом им объявили, что они возвращаются в амбар для проведения спаррингов.

Рэпп получил первую возможность выйти на маты с того момента, как он сюда прибыл. Ему было интересно, куда делся тот злобный тип, и он едва не спросил об этом сержанта Смита, но тот весьма неохотно отвечал на вопросы. Джонс и Смит разбили рекрутов на пары. Из-за того, что их осталось пятеро, одному из них не досталось напарника – им оказался Рэпп. Правила были предельно простыми: запрещались удары в голову и пах; удушающие захваты приветствовались, но всех предупредили, что следует беречь гортань противника. Для того чтобы закончить схватку, было достаточно постучать по матам. Перед тем как они начали, в амбар незаметно вошел светловолосый психиатр.

Первыми на маты вышли Рой и Гленн. Рэпп пока не сумел понять, откуда они, но не собирался спрашивать. Как и все остальные, оба были темноволосыми и смуглыми, с карими глазами. Рой – ростом пять футов и десять дюймов, Гленн – на дюйм выше. По прикидкам Рэппа, обоим было лет двадцать семь. Их стиль борьбы не произвел на него особого

впечатления. Оба использовали стандартные приемы дзюдо – множество захватов и бросков; но таким способом невозможно быстро обезвредить противника. Неплохая техника, достаточно сильные, в хорошей форме, так что их схватка получилась долгой, утомительной и скучной. Минуты через четыре они лежали в потных объятиях посреди матов, и сержант Смит остановил схватку.

Следующими вышли Виктор и Фред. Рост Фреда составлял шесть футов, вес – 175 фунтов, и он всячески старался не выделяться. Бег он всегда заканчивал в тройке, с легкостью проходил полосу препятствий и стрелял лучше всех после Билла. Виктор, при росте шесть футов и два дюйма, весил 220 фунтов и был самым крупным в группе. Его шея была почти такой же толстой, как бедра, из чего следовало – и это Рэпп отметил сразу, – что его будет очень трудно сбить с ног ударом в голову. И после всех его разговоров Рэпп ждал второго пришествия Мохаммеда Али.

Виктор запрыгал по матам и провел короткий бой с тенью.

– Ты готов к тому, что тебе сейчас надерут задницу, Фредди?

Фред ничего не ответил. Он босиком вышел в центр мата и занял боевую стойку. Судя по его манере двигаться, Рэпп решил, что он борец. Виктор вел себя как павлин-переросток, и Митч не мог предсказать, на что он способен. Большинство парней его габаритов не были боксерами, но у него хорошо работали ноги.

Сержант Смит махнул рукой, и схватка началась. Фред сразу попытался пройти в ноги, как и ожидал Рэпп. Виктор попробовал уйти в сторону, но его противник зацепил его правую ногу, схватил колено Виктора и прижал его к своей груди. Он оставался в низкой стойке, собираясь сбить противника с ног. Виктор прыгал на левой ноге и наносил удары по спине Фреда. Первые несколько получились слабыми и неточными. Рэпп смотрел, как Виктор теряет равновесие и начинает падать. Тогда он сменил тактику и ударил Фреда кулаком по затылку. Тот слегка замедлил движение, но ногу противника не выпустил.

Виктор упал, сразу перекатился на живот и начал размахивать руками и ногами, чтобы не допустить захвата. Фред забрался сверху и правой рукой схватил Виктора за шею. Он оттянул голову противника назад и прижал левое предплечье к его затылку. Это был классический удушающий захват сзади, и Рэпп понимал, что если Виктор не высвободится в самое ближайшее время, его поражение станет неизбежным. Тот схватил два пальца Фреда и изо всех сил попытался отвести их в сторону, одновременно стараясь вывернуться и перевернуть противника. Поначалу показалось, что у него получается, но потом Рэпп понял, что задумал Фред. Он позволит Виктору думать, что тот сам инициировал движение, но в действительности это входило в планы Фреда. Оказавшись на спине, Фред ногами обхватил Виктора за пояс и применил мощный захват ножницами. Виктор отчаянно сопротивлялся, лишь ухудшая свое положение.

Рэпп на собственном горьком опыте убедился, что лучшим способом ухода от такого захвата является точно направленный удар локтем во внутреннюю часть бедра. Пару месяцев назад инструктор применил против него захват ножницами, и Митчу пришлось дорого заплатить за науку. Напрягая торс, ты позволяешь противнику усилить захват. А когда выдыхаешь и пытаешься сделать вдох, противник сдавливает тебя еще сильнее. И очень скоро ты начинаешь испытывать нехватку кислорода, извиваясь от боли и понимая, что еще немного, и у тебя будет сломана пара ребер.

Виктор совершил именно такую ошибку, и по его встревоженному взгляду становилось очевидно, что у него очень серьезные проблемы. Он широко размахнулся, пытаясь ударить

Фреда в солнечное сплетение, но тот легко блокировал удар. Затем Виктор начал вырываться, но Фред лишь усиливал захват. Лицо Виктора стало красным, как свекла. Рэпп знал, что он продержится еще несколько секунд, и очень надеялся, что услышит треск ломающихся ребер. Казалось, Виктор вот-вот сдастся. Он начал махать левой рукой, а когда Фред слегка ослабил хват, нанес удар правым кулаком ему в лицо. Голова Фреда упала на мат, ноги разжались, и из изуродованного носа хлынула кровь.

Рэпп сделал шаг вперед, готовясь ударить Виктора ногой в голову. Он уже начал движение, когда сержант Смит шагнул на маты и начал выкрикивать приказы. Митч отступил назад. Виктор откатился в сторону, упал на спину и принялся хохотать.

Сержант Джонс оказывал первую помощь Фреду. Рой и Гленн негромко переговаривались между собой, с ненавистью глядя на Виктора. Рэпп посмотрел в сторону двери и увидел, что за ним наблюдает психиатр. Митч видел, что правила поединков нарушены дважды, а наказания так и не последовало. Конечно, старика наказать невозможно, но Виктор был одним из них, и если ему такое сошло с рук, то и Рэпп может нарушать правила. «Пожалуй, – подумал он, – пришло время немного изменить ситуацию». Пока Митч вырабатывал подходящий план, сержант Смит приказал ему выйти на маты и указал на Гленна.

– Я предпочел бы провести схватку с Виктором, – сказал Рэпп.

– Не ты здесь главный, – резко возразил Смит.

– Он делает вам одолжение, – сказал Виктор, все еще не восстановивший дыхание. – Маленькая киска не продержится против меня и пяти секунд.

Рэпп сохранял спокойствие, но не вызывало сомнений, что в нем поднимается что-то темное.

– Ну так давай узнаем, – спокойно сказал он.

– Самоубийство, – резко бросил Виктор.

– А я думаю, ты боишься.

– Заткнитесь оба, – вмешался сержант Смит. – Гленн, выходи на маты.

Рэпп сместился влево, вставая на пути Гленна и продолжая смотреть на жилистого инструктора.

– Я в недоумении. Здесь работают правила или Виктор может поступать, как ему вздумается?

– Проклятье, у нас *есть* правила! А теперь заткнись и начинай схватку.

– Ты думаешь, в реальном мире есть какие-то правила? – рассмеялся Виктор. – Проклятье, нет!

– Но здесь... разве мы должны позволять тебе делать все, что ты пожелаешь?

– Сержант, – сказал Виктор, поднимаясь на ноги. – Я им займусь. Не беспокойтесь. Я могу разобраться с маленьким засранцем из колледжа с одной рукой за спиной.

Сержант Смит выглядел так, словно еще немного, и он окончательно потеряет терпение, но светловолосый психиатр шагнул вперед.

– Сержант, я полагаю, нам следует позволить Виктору и Ирвингу провести схватку.

Инструктор резко повернул голову. Рэпп увидел, как они обменялись взглядами, и сержант отступил.

– Ладно, – проворчал он. – Вы двое, на середину матов. Начинаете по моей команде.

– Мы будем соблюдать правила или я должен предположить, что Виктор станет их нарушать? – с каменным лицом спросил Рэпп.

– Проклятье, голову и шею не трогать!

– Ценю вашу попытку, сержант, но я предпочел бы схватку без ограничений.

– Твои предпочтения меня не интересуют. Правила устанавливаю я.

Митч колебался. Он хотел бы иметь ясность в данном вопросе и не тревожиться о том, что Виктор снова нарушит правила.

– А если Виктор случайно ударит меня в лицо?

– Проклятье! – рявкнул сержант. – Мы не будем устраивать дебаты. Дамочки, вы хотите, чтобы я устроил вам долгую пробежку?

Рэпп переместился к центру матов, довольный тем, что высказал свою точку зрения; тем не менее он все еще опасался, что Виктор способен сделать все, чтобы одержать победу. Он уже практически выбрал стратегию. Виктор показал, что он занимался боксом. Вероятно, мог бы противостоять обычному борцу, но предпочитал бокс. Тут особых сомнений не было.

Виктор довольно улыбался, ударяя кулаком одной руки по ладони другой.

– Я надеру тебе задницу, маленький засранец.

Рэпп поднял кулаки к лицу, как боксер, держа локти близко к корпусу.

– А если не сможешь, Виктор?

– О, тут нет никаких сомнений. Тебе конец.

Митч решил заманить противника. Он показал, что слегка потерял позицию, и позволил Виктору нанести первый удар. Два медленных левых прямых, направленных в лицо Рэппа. Тот блокировал их правой рукой и уклонился от мощного правого хука, который сбил бы его с ног, если б Виктор попал. Рэпп отметил, что все три удара, нанесенных Виктором, были направлены ему в голову, но сержант Смит промолчал – казалось, его не тревожило, что Виктор снова нарушает правила. Это все упрощало для Рэппа.

Он изменил направление движения и отскочил влево; Виктор тут же нанес два сильных прямых правой. От первого Митч уклонился, второй попал в его левое плечо. Удар был плотным, но Рэпп показал, что у него проблемы, сознательно покачнувшись вправо. Виктор заглотив наживку и бросился в атаку, попытавшись левой отбить руки Рэппа в сторону, чтобы произвести нокаутирующий удар правой.

Когда кулак Виктора просвистел мимо его правого уха, Рэпп прыгнул вперед так быстро, что полностью застал противника врасплох. Он схватил его левое запястье правой рукой, а левую поднял, чтобы заблокировать новый удар. Затем откинул голову назад и нанес удар лбом по мягким хрящам носа Виктора. Раздался тошнотворный хруст. Прежде чем Виктор успел как-то отреагировать, Рэпп схватил его за шею двумя руками, резко наклонил вниз, нанес два жестких удара коленом в грудь и отпустил его. Виктор отшатнулся назад, кровь хлынула у него из носа, он хрипло втянул в себя воздух.

– Извини, – сказал Митч, предлагая противнику продолжить. – Я не хотел сломать тебе нос.

– Я тебя прикончу! – завопил Виктор.

Рэпп в ответ поманил его к себе.

Виктор бросился в атаку. Митч именно на это и рассчитывал. Он имитировал уход вправо, качнулся влево, когда его противник проскочил мимо, нанес удар по почкам, что остановило Виктора. Он развернулся, собираясь встретить следующий удар, вместо того чтобы разорвать дистанцию, и Рэпп этим воспользовался, схватив Виктора левой рукой за шею сзади, а правой сжав ему бицепс. Виктор резко отвел голову назад, намереваясь тоже нанести удар головой, но Рэпп сделал то, чего никто не ожидал. Он подпрыгнул в воздух, его левая нога устремилась к правой подмышке Виктора, правая сжала шею, а сам Рэпп упал на маты. Теперь он висел вверх ногами на левой руке Виктора и тащил его вниз, на себя. Затем поднял бедра, и Виктор рухнул на маты. Митч сделал такой же захват руки, какой он провел против старого инструктора в первый день, но сейчас он не собирался дожидаться, когда его противник признает себя побежденным.

Держа запястье Виктора двумя руками, Рэпп завел руки назад, пока локтевой сустав не

оказался над костью его правого бедра, после чего резко приподнял бедро и рванул изо всех сил руку Виктора вниз. Он не остановился даже после того, как Виктор закричал. Все вместе заняло не более двух секунд. Раздался громкий треск, и только после этого Рэпп отпустил руку, которая теперь была вывернута под совершенно неестественным углом.

Митч поднялся на ноги и посмотрел на стонущего Виктора. Все его тело перекосила судорога боли. Рэпп не улыбался и не торжествовал. Он испытывал некоторое сожаление, но Виктор был громилой и подонком. Фред сидел у края матов, прижимая вату к ноздрям и лед к носу. Он кивнул Рэппу и поднял вверх большой палец. Рой и Гленн неспешно подошли к Рэппу, молча поздравляя его за решение их общей проблемы. Сержант Смит был занят оказанием первой помощи Виктору, который извивался от боли. Рэпп не знал, будут ли у него неприятности, и посмотрел на психиатра, который продолжал внимательно за ним наблюдать. Тот слегка поджал губы, словно пришел к какому-то выводу. Однако Рэпп не мог понять, восхищение это или разочарование.

Позднее, в тот же день, Льюис сделал несколько звонков, после чего записал свои мысли и наблюдения на бумагу. По мере того как сгущались сумерки, они один за другим собрались в доме, расположенном у озера в Южной Вирджинии. Первой прибыла Кеннеди, затем Стэнсфилд, заместитель директора по оперативным вопросам, и, наконец, Харли. Телохранители Стэнсфилда остались на крыльце. Он взял с собой двух самых надежных – они всегда видели и запоминали только то, что следовало. Стэнсфилд в своей обычной спокойной мере предложил собраться в цокольном этаже. Впрочем, это было не предложением, а приказом.

Все четверо спустились вниз и направились в комнату, находившуюся в центре этажа. Отсюда можно было наблюдать за всем поместьем, а также имелась надежная связь. Внутренние стены и потолок покрывал серый картон, полностью поглощавший звук. Правую занимали мониторы и две радиостанции, работавшие на прием; посередине стоял овальный стол, рассчитанный на шестерых человек. Когда все расселись, Стэнсфилд закрыл звуконепроницаемую дверь и задвинул внутренний засов.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Лакросс – контактная спортивная игра между двумя командами, с использованием небольшого резинового мяча и клюшки с длинной рукояткой, больше напоминающей небольшой сачок.

У западных народов это круг с радиусом около 90 см. Отсюда и выражение «держать на расстоянии вытянутой руки».

В Лэнгли, штат Вирджиния, находится штаб-квартира Центрального разведывательного управления США.

Уотергейтский скандал – внутриполитический скандал в США 1972–1974 гг., закончившийся отставкой президента страны Р. Никсона; «Бумаги Пентагона» – расхожее название сборника «Американо-вьетнамские отношения, 1945–1967: Исследование», предназначавшегося для внутриведомственного использования в МО США, однако частично обнародованного американской прессой в 1971 г. во время Вьетнамской войны; «Ирангейт» (назван так по аналогии с «Уотергейтом») – крупный внешнеполитический скандал в США во второй половине 1980-х гг.

Чапы – кожаные ноговицы (гетры, гамаши), рабочая одежда ковбоя, которые надеваются поверх обычных штанов; также используются байкерами.

Здесь и далее: политические и идеологические установки героев данного романа остаются на совести автора.